

Н. К. Рерих

Дневник
Маньчжурской
экспедиции

Николай Рерих

**Дневник Маньчжурской
экспедиции (1934–1935)**

«Международный Центр Рерихов»

1935

УДК 910.2(518)
ББК 26.89(5Кит)

Рерих Н. К.

Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935) / Н. К. Рерих —
«Международный Центр Рерихов», 1935

ISBN 978-5-86988-267-7

В книгу вошли дневниковые записи Н.К. Рериха периода Маньчжурской экспедиции (1934–1935), а также письма Н.К. и Ю.Н. Рериха, проект сельскохозяйственного кооператива в Маньчжурии, составленный В.К. Рерихом. Все эти документы хранятся в нью-йоркском Музее Николая Рериха и представляют собой уникальный материал, освещающий важный этап жизни и творчества великого русского художника и мыслителя. В дневнике и письмах отражены его надежды, планы и творческие проекты, размышления о судьбах человечества и русской эмиграции. Большинство материалов публикуется впервые.

УДК 910.2(518)
ББК 26.89(5Кит)

ISBN 978-5-86988-267-7

© Рерих Н. К., 1935
© Международный Центр
Рерихов, 1935

Содержание

От составителя	6
«В строительстве и в неисчерпаемости преодолеем»	7
Ботаника и политика	8
Дневник Мастера	16
«Записные листы»	20
«Архипелаг Россия»	23
Пакт Рериха	28
«Самоотвержение зла»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Рерих Н.К

Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935)

© Nicholas Roerich Museum, 2015

© Международный Центр Рерихов, подготовка текста, иллюстрации, 2015

© О.А. Лавренова, вступительная статья, комментарии, 2015

От составителя

Вниманию читателей предлагается дневник Маньчжурской экспедиции Н.К. Рериха (1934–1935), а также подборка связанных с этим периодом писем и документов.

Разносторонняя общественно-культурная деятельность Н.К. Рериха вызывала широкий резонанс, в котором возникали иногда диаметрально противоположные мнения и эмоции, от восторга до ненависти, но среди тех, кто соприкоснулся с его творчеством, не было равнодушных. Именно Маньчжурская экспедиция во многом мистифицирована современниками и нынешними исследователями, поэтому так важны документальные тексты участников этих событий.

Публикатору этих материалов пришлось провести довольно кропотливую научную работу, чтобы максимально восстановить по документам ход событий на фоне сложной международной ситуации 30-х годов прошлого века, расшифровать сокращения, малоизвестные кодировки и условные обозначения. Публикации предшествует вступительная статья, которая поможет читателю увидеть и оценить последнюю экспедицию Мастера в исторической перспективе.

Тексты приведены к современным нормам орфографии и пунктуации, написание имен унифицировано, написание географических названий по возможности соответствует оригиналу.

Эти документальные источники увидели свет прежде всего благодаря любезному решению директора Музея Николая Рериха в Нью-Йорке Даниила Энтина. Огромная благодарность генеральному директору Музея имени Н.К. Рериха, первому вице-президенту Международного Центра Рерихов, известному рериховеду Людмиле Васильевне Шапошниковой, принявшей решение о публикации этих материалов невзирая на финансовые трудности музея. Благодарю директора Центра русской культуры Амхерст колледжа Стэнли Рабиновича, с помощью которого во многом удалось расшифровать криптографическую корреспонденцию Рерихов; заведующую архивом Музея Николая Рериха в Нью-Йорке Наталью Валентиновну Фомину, которая всеми силами способствовала работе с этими документами; профессора Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, доктора исторических наук Амира Александровича Хисамутдинова за научные консультации по вопросам истории русской эмиграции на Дальнем Востоке, а также старшего научного сотрудника Отдела рукописей МЦР Нину Георгиевну Михайлову за участие в подготовке издания.

«В строительстве и в неисчерпаемости преодолеем» Маньчжурская экспедиция Н.К. Рериха (1934–1935)

*Главное, чтобы творилось добро. Силы тьмы особенно негодуют,
когда что-либо доброе и строительное возникает.*

Н.К. Рерих

Последняя экспедиция великого художника и мыслителя сейчас вызывает много споров и размышлений, что неудивительно, ибо на нее были возложены большие надежды Мастера, которые выходили за рамки научных задач. С нею были связаны и самые нелепые инсинуации и попытки очернить его имя, отголоски которых слышны и по сей день.

В отличие от организованной Музеем Рериха в Нью-Йорке Центрально-Азиатской (1924–1928) Маньчжурская экспедиция была снаряжена госструктурами США (бюро растениеводства Департамента сельского хозяйства) и потому имела много внешних ограничений. Тем не менее Н.К. и Ю.Н. Рерихам удавалось широко действовать в рамках условностей, навязанных чиновниками. Е.И. Рерих не принимала участия в экспедиции, но из Кулу направляла и корректировала действия американских сотрудников Музея Рериха, через которых шли многие организационные нити этого путешествия.

Обе экспедиции Рериха «несли в себе концепцию и основные идеи Живой Этики и реализовывали их на практике»¹. Это философское учение, показывающее человечеству пути к новому эволюционному этапу развития, было создано Рерихами в сотрудничестве с Великими Учителями Востока, Махатмами. В последней экспедиции важным моментом, связанным именно с Живой Этикой, были проекты организации кооперативов, воплощающих принципы общинножития, эволюционные принципы созидания на основе духовности и красоты и одновременно прочно укорененных в экономической реальности того времени. Но последнее путешествие Мастера происходило накануне нового передела мира во взрывоопасном регионе, представляющем собой кипящий котел, где сталкивались интересы разных политических сил, многие из которых были опытными игроками на мировой арене, а недавно вступившие в эту игру Советы, несмотря на свою молодость, быстро освоили ее основные приемы.

Времена смуты в российской, как и в мировой, истории обуславливали уплощенное, прагматическое восприятие действительности и обрекали на непонятость великих людей, пытающихся донести до человечества высокие истины. Через призму такого заземленного понимания любые культурные начинания рассматривались либо как политика, либо как афера, либо как заговор.

¹ Шапошникова Л.В. Врата в будущее // Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. М.: МЦР, 1999. Т. I. С. 16.

Ботаника и политика

Вы знаете, что экспедиция эта Правительственная и, конечно, не от избытка в средствах принял Н.К.[Рерих] водительство ею. Я лишь сожалею, что мое здоровье и также необходимость надзора за делами не позволили мне присоединиться к ним. Что же касается до опасностей, то мы давно перестали страшиться их. Ибо все люди с момента рождения ходят на краю пропасти, разница лишь в том, что одни видят это, другие же нет. Кроме того, над нами простерта Мощная Рука Преподобного Сергия.

Е.И. Рерих

Проект экспедиции в Маньчжурию под руководством Н.К. Рериха зародился в 1933 году у Генри Уоллеса, главы Департамента сельского хозяйства, в то время тесно сотрудничавшего с Музеем Рериха в Нью-Йорке.

Это сотрудничество имело свою историю и началось в 1927 году, когда Уоллес, тогда еще фермер и редактор газеты «Wallaces farmer», впервые пришел в Музей. Вице-президент Музея Фрэнсис Грант провела для Уоллеса экскурсию по Музею, живопись и идеи Рериха произвели на фермера из Айовы сильнейшее впечатление. Потом, приезжая в Нью-Йорк по делам, Уоллес иногда заходил в Музей, между ним и Ф. Грант завязалась переписка. Особенно заинтересовал его новый проект Рериха – Гималайский институт научных исследований «Урусвати», в частности ботанические изыскания. Со временем Уоллес начал переписку с русским художником и мыслителем как со своим духовным учителем, Гуру. В письмах Рерихов и сотрудников Музея за Уоллесом закрепились имена «Друг» и «Галахад».

Летом 1933 года Франклин Рузвельт предложил Уоллесу занять пост главы Департамента сельского хозяйства. В то время, помимо всемирного финансового кризиса, Штаты настигла еще одна беда – американская экономика несла громадные убытки из-за почти стопроцентной распаханности земледельческих угодий. В степной зоне в засушливые месяцы пыльные бури уничтожали плодородный слой почвы. Борьба с эрозией пахотных земель стала одной из задач возглавляемого Уоллесом Департамента. Фрэнсис Грант вспоминала: «Однажды, я полагаю, в конце 1933 г., в одной из записок или в личном разговоре Уоллес сказал мне, что у департамента есть план послать экспедицию на поиск засухоустойчивых трав в Азию. Он спросил, считаю ли я, что профессор Рерих и Юрий заинтересуются возможностью возглавить такую экспедицию, учитывая их близкое знакомство с Азией, с ее языками и культурой в предыдущей экспедиции, а также имея в виду их растениеводческую и научную работу в Кулу»². Грант телеграфировала Н.К. Рериху в Индию. Он ответил телеграммой, что «находит план экспедиции превосходным, привезет важные планы для Друга о важных местностях, ничего не имеет против reliable botanist³»⁴, и запросил дополнительные детали. «Я хочу подчеркнуть, – продолжает свои воспоминания Ф. Грант, – что проф[ессор] Рерих не добивался этого назначения и объяснял принятие на себя этой сложной задачи только глубокой убежденностью в том, что дружба между Соединенными Штатами и до сих пор неисчерпанным Азиатским миром может служить этой стране и истинному миру во всем мире и благополучию»⁵.

Получив предварительное согласие Рерихов, Уоллес начал искать пути реализации этой идеи. Уже в январе 1934 года, судя по телеграмме Ф. Грант, он «пытается организовать поступ-

² Frances R. Grant Papers // Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 14. File 74. P. 11.

³ Reliable botanist (англ.) – надежный ботаник.

⁴ Лихтман (Фосдик) З.Г. Дневник. Запись от 04.01.1934 // Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

⁵ Frances R. Grant Papers // Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 14. File 74. P. 11.

ление большой суммы для экспедиции, покрывающей ее полевые [расходы]»⁶. Со своей стороны Рерихи включили предстоящие полевые работы в планы научных исследований Института «Урусвати», тем более что в них должен был принять участие его директор Юрий Рерих.

В начале 1934 года все формальности были улажены, маршрут экспедиции утвержден, и 16 марта Уоллес написал официальное письмо Н.К. Рериху с просьбой возглавить экспедицию. Русский художник, к тому времени приехавший в США, ответил согласием. Но, казалось бы, удачное начало было испорчено самим Уоллесом. Он не потрудился (вернее, побоялся) четко и ясно обозначить своим подчиненным роль Рериха в служебной иерархии, тем самым заложив основу многих проблем. Судя по всему, договоренность по этому вопросу не была достигнута и с Госдепартаментом США. «Негоже, негоже, негоже устроили экс[педицию]»⁷, – не раз потом повторялись слова Великого Учителя в письмах Е.И. Рерих.

С геоботанической точки зрения экспедиция, отправляющаяся в Маньчжурию, была организована очень грамотно. На поверхности земного шара существует шесть флористических областей. Каждая область имеет свои, не повторяющиеся вне ее, семейства растений. Ядро флористической области северного полушария – голарктической – составляет китайская реликтовая флора⁸. Поэтому проект имел реальные шансы на успех в поиске новых видов засухоустойчивых растений, которые потенциально могли прижиться «на периферии» той же флористической области.

Но к 1934 году Маньчжурии, как одной из провинций Китая, уже не существовало. Осенью 1931 года Япония ввела войска на территорию Северо-Восточного Китая, в марте 1932 года было провозглашено создание «независимого» Маньчжурского государства (Маньчжоу-го), в 1934 году оно было переименовано в Великую Маньчжурскую империю (Да Маньчжоу-диго). Ее правителем японцы сделали последнего императора маньчжурской династии Цин Генри Пу И. Политикой марионеточного государства руководили японские советники и чиновники, занимавшие самые ответственные государственные посты, которые получали указания напрямую из Токио.

Экспедиция, возглавляемая Н.К. Рерихом, – согласно документам Департамента она называлась Азиатской – началась весной 1934 года. Ее предваряла телеграмма, посланная Госдепартаментом США в американское посольство в Токио, о том, что содействие следует оказывать только американским сотрудникам: «...В консульства в Кобе, Дайране, Мукдене и Харбине – Рерих не гражданин, и ввиду этого дипломатические и консульские службы не должны делать для него что-либо, что ставит в затруднительное положение их или правительство. Службы уполномочиваются распространять соответствующую и практическую помощь гражданам[США] – членам[экспедиции] по их запросу»⁹. Смысл этой телеграммы станет ясен намного позже, когда по многим организационным вопросам у Рерихов будут возникать непредвиденные сложности. Распоряжение «не оказывать содействие» на местах было истолковано как «оказывать противодействие».

Рерихи – Николай Константинович и Юрий Николаевич, помощник руководителя экспедиции, – в апреле направились через Токио в Харбин. В Токио они нанесли несколько официальных визитов, в том числе военному министру Хаяши, а также Тейджи Цубоками, возглавлявшему Бюро по культурной деятельности в правительстве Японии.

Визит к Хаяши Рерихи объясняли необходимостью обсудить вопросы безопасности экспедиции: «Генерал Хаяши после изучения предлагаемой программы исследований выдал

⁶ Грант Ф. Телеграмма Н.К. Рериху от 02.01.1934 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5–1. Д. № 296.

⁷ Рерих ЕМ Письма. В 9 т. М.: МЦР, 2000. Т. II. С. 344.

⁸ См.: Богомолов Л.А., Судакова С.С. Общее землеведение. М., 1971. С. 171.

⁹ Филлипс В. Телеграмма в американское посольство в Токио от 01.06.1934 // NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 2.

представительские документы для военных властей в Харбине, Цицикаре, Хайларе и Дзехоле»¹⁰. Вот что об этой встрече писали японские газеты: «Военный министр настоятельно посоветовал Рериху обратить внимание на японские мечи как важную часть восточной культуры, поскольку это лучший способ понять душу Японии. Японский меч создан для защиты родины, в нем нет агрессии. Это символ мира. Когда смотришь на меч, дух проясняется и успокаивается. Также министр подчеркнул, что японское присутствие в Маньчжурии необходимо, чтобы помочь населению и сделать ее мирной страной с высоким уровнем культуры»¹¹.

С деловыми визитами Н.К. Рерих посетил Императорский ботанический сад, ботанический факультет Императорского университета в Токио, а также, судя по его памятной записке, японскую Академию художеств, Общество японо-американских культурных сношений, буддийский университет¹².

На самом высоком уровне Рериху был оказан прекрасный прием, во многом подготовленный японским консулом в США Савадой, с которым Музей Рериха поддерживал дружеские отношения. Еще ничего не зная о телеграмме Госдепартамента США, Рерихи не искали особой поддержки у американских официальных лиц; будучи в Токио, они даже не посетили американское посольство.

Полевой сезон планировали начать в конце июня, к этому времени в Харбин должны были прибыть доктор Ховард Макмиллан, ботаник от Департамента сельского хозяйства США, и Джеймс Стефенс, помощник ботаника. Американские ботаники опаздывали – приехав в Токио, они принципиально не пошли на переговоры с японским куратором по Маньчжоу-диго (государству, не признанному Штатами) и добивались разрешения на въезд через американские консульства. В результате Рерихи провели в Харбине весь июль.

Ненадолго оставив Харбин, Николай Константинович и Юрий Николаевич посетили столицу Маньчжоу-диго – Чаньчунь (Синьцзин), где им предоставил аудиенцию император Пу И, который «очень любезно выразил свой интерес к целям экспедиции»¹³. Императору была вручена памятная медаль Музея Рериха в Нью-Йорке, выпущенная в 1929 году и предназначенная для того, чтобы отмечать вклад в культуру выдающихся государственных деятелей¹⁴.

Реакция Госдепартамента США была незамедлительной – Уоллеса довольно безапелляционно одернули по поводу события, публикации о котором появились не только в местных, но и в заокеанских газетах: «Такие действия г-на Рериха (не американского гражданина), [который находится] в Маньчжурии как член американской государственной экспедиции, не соответствуют отношению американского правительства к нынешней власти в Маньчжурии и поэтому ставят в неловкое положение Государственный департамент и американское правительство»¹⁵.

Тем временем американские ботаники добрались-таки до Харбина, опоздав почти на два месяца. Еще 5 июля, когда они были в пути, Е.И. Рерих получила от своих духовных Учителей указание, что «нужно будет очень зорко следить за бот[аником], тайные инструкции имеет от сослуживцев»¹⁶, и переслала его в Маньчжурию. Это полностью подтвердилось – как

¹⁰ [Рерих Ю.Н.] Отчет о деятельности за период май-июнь 1934 г. // NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 2. File «Correspondence 16.02.1934–15.08.1935».

¹¹ Вырезка из японской газеты. [Май 1934] / Amherst Centre for Russian Culture. Roerich collection. Box 3. Folder 70. Пеп. с яп. Ю. Минаковой.

¹² См.: Рерих Н.К. [Основные события Маньчжурской экспедиции] // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 525. Л. 1.

¹³ Рерих Н.К. Письмо Г. Уоллесу от 01.10.1934 // NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 3.

¹⁴ См.: Museum Bestows Honor of Manchukuo Emperor // The New York Times. 27.06.1934.

¹⁵ Официальное письмо Госдепартамента США от 5 июля 1934 г. // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 384.

¹⁶ Рерих Е.И. Письма. Т. II. С. 206.

только американцы оказались в Харбине, в Департамент сельского хозяйства полетели письма Макмиллана с собранными по всем углам сплетнями и собственными измышлениями о Н.К. Рерихе. В этих письмах впервые появилась выдумка о связях Рериха с казаками атамана Семёнова, которая потом разрастется до размеров международной информационной утки.

Ботаник упорно ждал, что руководитель экспедиции свяжется с ним. Рерихи же недоумевали и ждали, когда их подчиненные соизволят выйти на контакт. В результате в поле американцы выехали отдельным от Рерихов отрядом, хотя и в том же направлении. Рерихам вместо американцев помогали русские ботаники-волонтеры Тарас Гордеев и Анатолий Костин.

В Хайларе последовали новые встречи и объяснения с представителями японской администрации, предъявление сопровождающих документов, поскольку д-р Макмиллан заявил, что письмо Уоллеса к Рериху с предложением «возглавить и защитить» экспедицию – ненастоящее (!).

Но недоразумения были улажены, необходимые процедуры пройдены, 4 августа начался полевой сезон. Первоначальный маршрут проходил по Баргинскому плато. На двух машинах успешно достигли Ганьчжурского монастыря, «несколько дней провели, собирая[семена] в округе монастыря, расположенного в типично пустынной и степной местности. Особое внимание было уделено участкам песчаных дюн»¹⁷. Рерихи сделали еще несколько остановок и вернулись в Хайлар по долинам рек Гуен-гола и Имин-гола.

Тем временем американский ботаник Макмиллан, направившийся к северу от Хайлара, в то время как Рерихи отправились на юг, установил за ними свою частную слежку и о ее результатах докладывал в бюро растениеводства: «Выехав 4 августа,[Рерихи] проследовали к Ганчжу-сумэ, монгольскому монастырю, где они остановились пятого и шестого. Они выехали оттуда седьмого и направились в Хандагай, где у них сломался грузовик. Они оставались там следующие три дня, выехали 11-го в Чан-нор[Цаганнор] и оставались там следующий день. 13-го они выехали к месту на реке Га[Гуен-гол], где стали лагерем, так же как они делали предыдущие два раза, выехали оттуда 16-го и приехали в Хайлар. Их сборы составляют 190 видов <...> и в целом 900 образцов»¹⁸. Этот маршрут полностью совпадает с описаниями Н.К. и Ю.Н. Рерихов, вероятно, в числе рабочих экспедиции были информаторы Макмиллана.

Кстати сказать, Макмиллан был не единственный, кто вел слежку за Рерихами. Еще были японская разведка, предположительно советская разведка, и... розенкрейцеры (!), которым отчеты о деятельности Николая Константиновича отправлял член ордена поэт Ачаир (А.А. Грызлов)¹⁹. Частично эти письма были показаны потом одним из розенкрейцеров вице-президенту Музея Рериха в Нью-Йорке Зинаиде Лихтман.

Изыскания Рерихов в окрестностях Хайлара были краткими, так как политическая ситуация в этом приграничном районе была очень напряженной. Начав работу в районе Баргинского плато, участники экспедиции оказались под пристальным наблюдением администрации новообразованной провинции Хинган, созданной специально для контроля над Монголией со стороны Японии²⁰.

Следующей базой была станция КВЖД Варим в горах Хингана. Две недели собирали семена засухоустойчивых и пастбищных растений в этом горном районе. После короткого полевого сезона экспедиция вернулась в Харбин, где продолжилась научная работа. Ботаники собирали семена в предгорьях Хингана и степных окрестностях Ман-коу, изучали и оформ-

¹⁷ Рерих Н.К. Письмо Г. Уоллесу от 01.10.1934 // NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 3.

¹⁸ Макмиллан К. Письмо Н.А. Райерсону от 17.08.1934 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 7. Д. № 277.

¹⁹ См.: Лихтман З.Г. Письмо Н.К. Рериху от 20.08.1935 // Архив Музея Рериха в Нью-Йорке.

²⁰ См.: Жалсабон В.Д. Японская агрессия против Китая и автономистское движение во Внутренней Монголии // Вестник Московского Университета. № 2, 1972. С. 22.

ляли гербарии из Восточной Монголии и Хингана. Ю.Н. Рерих классифицировал информацию по лекарственным растениям, произрастающим в Северной Маньчжурии, переводил китайские и тибетские медицинские тексты, готовил научный отчет по результатам полевых работ в Барге и Хинганских горах.

В конце сентября оба американских ботаника, продолжавших сообщать Департаменту клеветнические сведения о Рерихе, были отозваны в США по личному распоряжению Генри Уоллеса. Шеф Бюро растениеводства Райерсон, патронировавший и поддерживавший Макмиллана, был незначительно понижен в должности и переведен в Калифорнию.

Оставив в Харбине подготовленные к отправке в США семена и гербарии, Рерихи 24 ноября 1934 года покинули Харбин и через Чаньчунь, Дайрен и Тяньцзинь направились в Пекин. В Тяньцзине, где располагался корпус американских вооруженных сил, были получены необходимое снаряжение и амуниция для продвижения в район Гоби. В Пекин прибыли в начале декабря и провели там зиму, готовясь к следующему полевому сезону. Русский ботаник И.В. Козлов из Тяньцзина описывал баргинский гербарий, собранный Т.П. Гордеевым в Маньчжурии.

В Харбине тем временем В.К. Рерих и Т.П. Гордеев готовили к отправке собранные семена и гербарии. По каким-то неясным причинам отправка задержалась. Владимир Константинович объяснял это тем, что Гордеев «за это время несколько раз болел и не имел возможности производить разборку гербария и его определение», а также «преподает в 3-х учебных заведениях и на работу с гербарием может уделять только свой досуг»²¹ и т. п. Но Департамент ждал не гербарий, а семена, которые к моменту отъезда Рерихов из Харбина уже были упакованы и подготовлены к отправке. Тем не менее посылки с семенами пришли в США в апреле и едва успели к весеннему севу, что на фоне клеветы ботаников, уже начавшей распространяться как круги по воде, внесло свой вклад в копилку нервозности Генри Уоллеса, и без того боявшегося собственной тени.

Рерихи тем временем вели переговоры о включении в состав экспедиции китайских ботаника и коллектора. Находясь в Пекине, они обратились за помощью к директору ботанического института Фан Мемориал Хсен Су Ху. Он порекомендовал ученого из Нанкина д-ра Кенга и помог закупить снаряжение для сборов семян и гербариев.

В мае 1935 года начался новый полевой сезон. Выехав за ворота Калгана, на двух машинах Рерихи с сотрудниками направились на север, во Внутреннюю Монголию, в полупустынные и степные районы провинции Чахар – земли хошунов Барун Сунит и Дурбит. Хошуны – «знамена», своеобразные административные единицы кочевой Монголии. Еще в XVII в. «каждому родовому владению князей дано было особое знамя и постановлено считать такое владение отдельною военно-административною единицею, называемую у монголов хошуном...»²²

Теперь в состав экспедиции, помимо Рерихов, входили коллектор А. Моисеев, помощник руководителя экспедиции по вопросам снабжения В. Грибановский, водители М. Чувствий и Н. Грамматчиков. По воспоминаниям Грамматчикова, выехав из Калгана, «примерно за 1,5 суток добрались до шведской миссии, главой которой являлся швед Эрикссон <...> После недолгого отдыха и завтрака, которым нас угостили, проехали в Цаган-Куре, где и остановились. Цаган-Куре – брошенный буддийскими монахами небольшой монастырь, который принадлежал шведу Ларсену. В Цаган-Куре экспедиция пробыла около трех месяцев и затем перебазировалась на Тимур-Хаду. По дороге один день провели около монастыря Шара-Мурен, три-четыре дня в Батухалке»²³.

²¹ Рерих В.К. Письмо неизвестному лицу от 27.01.1935 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 485. Л. 1.

²² Матусовский З. Географическое обозрение Китайской Империи. СПб., 1888. С.279.

²³ Экспедиция Н.К. Рериха в 1934–1935 годах. По воспоминаниям участника экспедиции Н.В. Грамматчикова. Запись беседы А. Анненко. ОР МЦР II Ф. 1. Оп. 4. Д. № 72.

Внутренняя Монголия, в марте 1934 года добившаяся автономии и самоуправления, находилась на гребне волны переустройств. Руководителей автономным правительством было двое – престарелый князь Юн-ван и энергичный молодой «принц Де», князь Де-ван, заместитель вождя Силингольского сейма и генеральный секретарь автономного правительства, который лавировал между японским и китайским правительством, выражая симпатию Японии и лояльность Китаю. Н.К. Рерих писал о нем: «Живую силою монгольского автономного правительства является Сунитский князь Де-Ванг. Нелегка задача этого князя, желающего вдохнуть новые государственные формы около древних монгольских знамен»²⁴.

План Токио превратить Внутреннюю Монголию в марионеточное государство Менгу-го наподобие Маньчжоу-го пока не оправдывал себя. Япония начала действовать через нанкинские власти. Под ее давлением летом 1935 года из Чахара, где в тот момент находилась экспедиция, была эвакуирована китайская армия, и только в районе Калгана оставалась одна из дивизий²⁵. 27 июня того же года секретным соглашением между Китаем и Японией провинция Чахар перешла в сферу влияния Японии²⁶. Тем не менее японцы готовили и военное вторжение в эту провинцию.

За день до подписания этого соглашения экспедиция переместилась на запад, в относительно спокойную провинцию Внутренней Монголии – Суй-юань. Основной лагерь разбили в тридцати километрах от новой столицы автономной Монголии – Байлинмяо (Батухалки). Новый лагерь экспедиции был расположен в значимом месте. «Превыше всех окрестных гор стоит Наран Обо. Наран значит “Солнечный”. Поистине, высокое белое Обо и встречает и провожает солнце. <...> Из-за холмов высятся крыши монастыря Батухалки. За ними опять гряда холмов, а там уже пески, предвестники Алашаня. К юго-западу и западу протянутся песчаные пространства – все эти Гоби или Шамо. На юг побежал путь в Кокохото – там уже смущения многолюдства. На восток протянутся земли Сунитские, на северо-запад пойдет Урат. На севере Муминган, что будет значить “Лихая тысяча”»²⁷. «Наш стан среди причудливых вулканических скал. У самого подножия Тимур Хады, что значит “Железная скала”. Вот и это великое имя в монгольской истории не миновало. И Чингис-хан, великий завоеватель и устроитель, и железный Тимур, а на вершине горы светит Наран Обо. У подножия той же горы, недалеко от нашего стана, находится место будущей монгольской столицы. Место было избрано и преуказано самим Панчен-Ринпоче, Таши-ламою Тибета, который сейчас в Кумбуме. Вполне понятно, что для места будущей столицы монгольской избрано место новое. Ведь Батухалка, с ее старинным нажитым монастырем, не будет новым строением. А новое автономное правительство, конечно, справедливо хочет быть в новом окружении. Пока правительство помещается в Батухалке в юртах»²⁸.

В лагере Тимур Хада к экспедиции присоединились ботаники из Нанкина – д-р Ю.Л. Кенг и Янг, которые приехали только в конце июля. Китайским ученым тоже пришлось работать волонтерами, поскольку Департамент так и не выделил ставки ботаников после того как отозвал двух американцев. Сборы гербария происходили и до и после их приезда при участии Н.К. и Ю.Н. Рерихов (как пишет Юрий Николаевич, «ботанизировали» и «гербаризировали»²⁹). Н.К. Рерих, руководитель экспедиции, не был в стороне от ботанических проблем, об

²⁴ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. М.: МЦР, 1999. Т. I. С. 531.

²⁵ См.: Бенефельд А.С. Внутренняя Монголия до японской оккупации. Краткий исторический очерк. Вып. 1 // Внутренняя Монголия, № 4. Чита, 1944. С. 33.

²⁶ См.: Жалсабон. В.Д. Японская агрессия против Китая и автономистское движение во Внутренней Монголии // Вестник Московского Университета. № 2, 1972. С. 30.

²⁷ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. I. С. 529–530.

²⁸ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. I. С. 530.

²⁹ Рерих Ю.Н. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935) // Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Т. II. М.: Рас-санта, 2012. С. 180–181.

этом свидетельствуют его очерки. Из степей Монголии он пишет княгине Екатерине Константиновне Святополк-Четвертинской: «Когда 30 лет тому назад Вы мне говорили

О днепровских лугах, о подробностях травосеяния, могли ли мы думать, что сейчас я буду занят вопросом: представляет ли местный “вострец” обычный вид русского пырея или особенный»³⁰. Иногда, по воспоминаниям Н.В. Грамматчикова, Николай Константинович задавал направление ботанических поисков:

«Предстоят дальние поездки за семенами, все, что было поблизости от лагеря, выбрано в “пешем и конном строю”, теперь очередь наших машин. Кругом горы и степи; куда поехать, где найти интересующие нас виды? За день можно исколесить сотни миль и не найти ничего.

– Поезжайте за Олон Суме, на север, поищите там.

Еду на своем додже в указанном направлении. <...> Вдруг ботаник оживился, замахал руками, высунулся в окно: “Стоп, стоп”.

Н.К.[Рерих] сказал ехать на север от Олон Суме, распоряжение выполнено, найден новый, очень ценный, вид агропирума. Сам он туда никогда не ездил»³¹.

Записи Юрия Николаевича, помощника руководителя, показывают высокий уровень профессионализма, причем не только с точки зрения ботаники, но и геоботаники. Например: «В скалах разнообразный кустарник *Ribes*³², шиповник, *Rumex*³³, *Prunus*³⁴. Преобладают пустынно-степные травы, служащие как бы звеном между черноземными и каштановыми почвами северной части Внутренней Монголии и песками Алашани и Средней Гоби»³⁵.

С июня поступление сумм от Департамента на содержание экспедиции прекратилось, выплачивалось только жалование Рерихам³⁶, соответственно, все расходы (бензин, продовольствие, зарплата обслуживающему персоналу и т. п.) легли на их плечи.

В двадцатых числах августа Департамент сельского хозяйства США стал настаивать на перемещении экспедиции в Синин близ озера Кукунор. Для этого требовалось пересечь Ордос и Алашань, горный хребет Нань-шаня. Даже по лучшим расчетам путь в Синин занял бы две недели; кроме того, необходимо было оформить специальные разрешения, так как паспорта членов экспедиции были действительны только для провинций Чахар и Суй-юань. А в середине сентября в высокогорном районе Кукунора, где жизненный цикл растений намного короче, сбор семян был уже невозможен. Ко всему прочему обстановка в провинции Кукунор и на дорогах, ведущих вглубь страны, была тревожная. Газеты писали о разбойничьих бандах к западу от Баотоу, наступающие части кавалерии бандитов были перехвачены в 30 милях от Батухалки³⁷. Н.К. Рерих счел предлагаемый маршрут нецелесообразным, о чем и сообщил в Департамент.

В сентябре второй полевой сезон был закончен. Автономное монгольское правительство выкупило у экспедиции два грузовика и помогло доставить оборудование до ближайшей станции железной дороги – Гуй-Хуа-чен (Кокохото). 7 сентября 1935 года Рерихи прибыли в Пекин, где собранные коллекции были рассортированы, упакованы, подготовлены к отправке. 20 сентября экспедиция переместилась в Шанхай. Из Шанхая гербарии и семена были отправлены в Штаты. Отец и сын Рерихи вернулись в Наггар.

Первоначально планировалось провести научные изыскания в засушливых районах гималайских высокогорий, и сборы были продолжены в Лахуле, в долине реки Спити на высоте

³⁰ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. I. С. 433.

³¹ [Грамматчиков Н.В.] о Н.К. // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 2. Д. № 190. Л. 5–6.

³² Смородина (лат.).

³³ Щавель (лат.).

³⁴ Слива (лат.).

³⁵ Рерих Ю.Н. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935) // Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Т. II. С. 188.

³⁶ См.: Письмо Н.К. Рериха американским сотрудникам от 15.12.1935 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5–1. Д. № 190.

³⁷ См.: Рерих Ю.Н. Письма. В 2 т. М.: МЦР, 2002. Т. I. С. 299.

13 000 футов над уровнем моря. Но Департамент телеграфировал об окончании работ и прекращении финансирования – в Америке вокруг Музея Рериха начали разворачиваться непредвиденные события, в которых участвовал и Генри Уоллес.

Маньчжурская экспедиция, несмотря на все препятствия и внутренние подводные камни из-за организационной несостоятельности Генри Уоллеса, проделала огромную научно-исследовательскую работу. Было изучено свыше трехсот сортов растений, пригодных для борьбы с эрозией почвы, открыто несколько новых видов растений. По свидетельству Ю.Н. Рериха, за период полевой работы на Дальнем Востоке в Департамент были высланы следующие материалы:

- «1. Систематический гербарий, собранный в Барге и горах Хингана.
2. Гербарий засухоустойчивых и кормовых растений из Барги и Хингана.
3. Гербарий лекарственных растений из Северной Маньчжурии.
4. Коллекция (83 образца) медицинских препаратов из Северной Маньчжурии. Эта коллекция сопровождалась подробным описанием применения различных входящих в нее средств.
5. Коллекция тибетских медицинских препаратов согласно “rGyud-bzi”, классическому труду по тибетской медицине.
6. Коллекция тибетских текстов по медицине и медицинских атласов.
7. Полная карта региона Внутренней Монголии в 4 листах. Оригинал этой карты показывал Вам д-р Брессман, так что Вы можете это удостоверить, если необходимо. Я сохраняю фотостатные копии этой карты.
8. 49 упаковок с семенами из Барги и Хинганского региона.
9. 436 упаковок с семенами из Внутренней Монголии и Спити (юго-западные Гималаи), которые были собраны в полевой сезон 1935 г.
10. Систематический гербарий из 1169 образцов, собранный во Внутренней Монголии.
- 12.³⁸ Карта растительности региона Внутренней Монголии на двух листах. Это первая такого рода карта, когда-либо составленная. Прежде чем отправить оригиналы карт в Министерство, мы сделали их фотографии.
13. Систематический гербарий, собранный в Спити (юго-западные Гималаи), 192 образца.
14. Полный фотоотчет с аннотациями.
15. Отчет об исследованиях в Барге и Внутренней Монголии...»³⁹.

Гербарные сборы и исследования материалов древних манускриптов, проведенные во время экспедиции и при дальнейшей работе Гималайского института научных исследований «Урусвати», послужили основой для важных сводок по флоре Тибетского нагорья и тибетских лекарственных растений⁴⁰.

В степях Внутренней Монголии был обнаружен новый злак, названный *Agropyrum (Agropyron) mongolicum*. По результатам экспедиции нанкинский ботаник доктор Кенг опубликовал статью, где в числе новых видов растений упомянул неизвестный ранее вид ковыля, назвав его в честь руководителя экспедиции *Stipa roerichii*⁴¹ (синоним *Stipa nakaii*).

³⁸ В тексте § 11 отсутствует.

³⁹ Рерих Ю.Н. Письма. Т. II. С. 24.

⁴⁰ См.: Беликов П.Ф. Последняя научно-исследовательская экспедиция Н.К. Рериха // Рериховские чтения 1976 г. Новосибирск, 1976. С. 95; Ефремов Ю.К. Н.К. Рерих и география. (К 85-летию со дня рождения) // Вопросы географии. № 50. М., 1960. С. 255.

⁴¹ См.: Ceng Yi Li. New Grasses from Peling Miao, Sujuan Province, China 11 Journal of the Washington Academy of Sciences 28. 1938. P. 307.

Дневник Мастера

Из моих дневников и Записных листов Вы видите мои настроения и предложения.

Н.К. Рерих

Много раз приходилось советовать людям вести дневники или записи, чтобы вносить узнанные достоверные факты. Так же точно, как метеорологические наблюдения должны производиться повсеместно и неотступно, и так же многие другие факты должны быть отмечаемы во всей их необычности.

Н.К. Рерих

На всем маршруте Маньчжурской экспедиции Н.К. Рерих держал постоянную связь с сотрудниками в Америке, сообщая им обо всех нюансах своей деятельности, и передавал некоторые сведения для Уоллеса, которые нельзя было включить в официальную переписку. С ноября 1934 года эти письма приобретают характер дневника – каждодневных записей, которые диктовались иногда на одном листе подряд несколько дней, и потом посылались в США. Свой дневник именно в этот период вел и Юрий Николаевич Рерих, эти тексты недавно были опубликованы⁴².

Дневник был во многом предназначен для практического руководства сотрудников в той или иной ситуации, его страницы по мере написания пересылались в США. Вполне оправданно стараясь защитить свою корреспонденцию от пристального интереса тех, кто постоянно вскрывал конверты, автор дневника часто использует условные имена для отдельных лиц. Некоторые, такие как духовные имена сотрудников в Америке и условные обозначения американских политиков, уже широко известны, некоторые характерны только для этого периода. Для их расшифровки использовались специальные списки условных обозначений. В архивах Университета Ратгерса и Центра русской культуры Амхерст колледжа хранятся такие листки, которые Рерихи составляли на разные периоды своей переписки, что вполне понятно при постоянном внимании к их корреспонденции со стороны английской и других разведок. Но на период Маньчжурской экспедиции мы имеем лишь списки, которые были составлены не собственноручно Рерихами, а сотрудниками, ведшими переписку. Один из них составлен Ф. Грант⁴³, другой⁴⁴ – предположительно Ю.Н. Рерихом, так как именно в его корреспонденции 1934–1935 годов максимально используются закодированные имена и понятия.

В практически ежедневных записях Н.К. Рериха, хранящихся в архиве Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, отражается весь спектр задач культурного строительства, международных интересов и организационных проблем руководителя экспедиции. Как ни странно, о ходе самой экспедиции сведений не так много. Зато в полной мере виден масштаб деятельной мысли Николая Константиновича, его непосредственное участие в жизни рериховских организаций и комитетов Пакта Рериха по всему миру, его включенность в круг проблем культурного поля русской эмиграции равно как в Азии, так и в Европе. Он был всегда в курсе событий, происходивших в мире, и держал руку на пульсе широкого международного движения, объединенного идеей защиты культурных сокровищ человечества под Знаменем Мира.

Очень много внимания в дневнике уделено вопросам кооперативного строительства в пустынях Внутренней Монголии.

⁴² См.: Рерих Ю.Н. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935) // Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Т. II.

⁴³ См.: Frances R. Grant Papers // Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 15. Folder 56.

⁴⁴ См.: Amherst Centre for Russian Culture. Roerich collection. Box 3. Folder 44.

Несколько страниц, с 4 по 15 апреля 1935 года, касающихся именно кооперативного строительства и опубликованных с купюрами В.А. Росовым, не были найдены в архиве Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. Вопрос о судьбе утраченных листов остается открытым, возможно они еще обнаружатся.

Дневник Н.К. Рериха – свидетельство размышлений и упований Мастера, его планов и скорби по поводу распространившегося по всему миру воинствующего невежества. Николай Константинович скрупулезно делает обзор прессы, затрагивающей его имя, дает советы американским сотрудникам, как противостоять клевете. И приходит к неутешительному выводу, что никакие попытки воздействия, в том числе обращения в японские консульства в США и Франции, не дают результатов.

По дневнику можно судить о том, насколько широко подходил Николай Константинович к сотрудничеству с культурными и политическими деятелями Японии, Маньчжурии, Китая. Каждое созидательное и культурное начинание отмечалось русским художником и философом как ступень к новому миру. Каждый человек оценивался им с позиций культуры. Современная история вносит коррективы в портреты, создаваемые на страницах этого дневника. Япония в тот период только наращивала свой военный потенциал и захватнические амбиции, и в этом процессе так или иначе участвовали все японские политики. Ответы Савады на обращения сотрудников Музея Рериха становились все сдержаннее, это видно по страницам дневника, похоже, он уже получил некие директивы из Министерства иностранных дел Японии. Интересно, что современная история, более внимательная к гуманитарным начинаниям, почти стерла со своих страниц имя японского консула, оставшееся преимущественно в биографических статьях о его жене – миссис Мики Савада, основательницы первого в Японии приюта для детей-сирот и благотворительницы.

Страницы дневника запечатлели свидетельства о визитах и беседах с нашими соотечественниками за рубежом. У многих из них за плечами были Гражданская война, Великий ледовый поход, бегство из Владивостока. Ведя между собой политические дебаты, они сохраняли традиции и надежду вернуться на Родину.

В этой среде Николай Константинович пытался найти единомышленников, многие из них оказались полезными сотрудниками, многие, наоборот, прекратили свою культурно-просветительную деятельность практически сразу, как только имя Рериха стало упоминаться в газетах в негативном ключе. По страницам дневника можно проследить и отсутствие позитивного полюса в этой информационной войне – в русскоязычной прессе Харбина, Тяньцзина, Пекина не появилось достаточно ярких статей, противостоящих клевете.

Один из фрагментов дневника, утраченный из-за того, что сдвинулась копировальная бумага в печатной машинке, можно восстановить по другим источникам. Например, запись от 21 июля: «[Посетили крепос]ть, лежащую в двадцати пяти милях, так называемую] <...>⁴⁵[рядом с не]й, как говорят, много растительности. По пу[ти] <...>⁴⁶[встретили] монголов, бежавших из Халхи. Среди них есть <...>⁴⁷[несущие в] себе основы и религии, и смелости, и строительства]. <...>⁴⁸приехать»⁴⁹. От того же числа запись в дневнике Ю.Н. Рериха говорит о визите в кочевой монгольский монастырь, о том, что «много беседовали о Калачакре»⁵⁰. Скупые фразы Н.К. и Ю.Н. Рерихов об этом дне дополняет красочный рассказ Н.В. Грамматчикова:

⁴⁵ Пропуск в тексте.

⁴⁶ Пропуск в тексте.

⁴⁷ Пропуск в тексте.

⁴⁸ Пропуск в тексте.

⁴⁹ Рерих Н.К. [Дневник Маньчжурской экспедиции.] 21.07.1935.

⁵⁰ Рерих Ю.Н. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935) И Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Т. II. С. 182.

«В узком ущелье расположен беженский халхасский монастырь; от лап вандалов бежала группа лам, с трехдневным боем пронесли монахи свои святыни через грозную границу и основали монастырь во Внутренней Монголии.

Денно и ночью перед древними святынями теплится священный огонек, монотонно читают монахи молитвы... Тихо, тихо, почти шепотом, говорят о Великой Шамбале...

Сегодня в маленьком монастыре оживление, приехали “новые люди”, которых монахи никогда не видали. Старик с большой седой бородой, его сын и двое вооруженных людей.

Старший лама приглашает войти в юрту; следуют обязательные любезные фразы, и затем разговор мало по малу переходит на более оживленные темы.

Н.К.[Рерих] не говорит по-монгольски, но все понимает, переводит Ю.Н.[Рерих].

Через некоторое время тихо раздается слово “Чамбали”. Святое для монгол слово, берегут они его больше всего, не выдадут и не скажут зря, а тут прозвучало оно в устах ламы скоро, всего через час какой-нибудь после нашего разговора.

Вскоре радостно сияют глаза лам. Идут показывать свои святыни. А показав, просят Н.К. возжечь, кроме обычных полагающихся к возжжению светильников, еще большой огонь у святилища. Мало кто, кроме старшего ламы, может возжечь его.

Понял лама своего гостя, потому и попросил зажечь этот светильник.

Светлой рукой зажженный огонь – добрый огонь»⁵¹.

Беседа с монгольскими ламами была одной из череды многих встреч и бесед вдали от центров цивилизации. По дневникам Николая Константиновича видно, насколько напряженной была общественная и культурная жизнь того времени в центре монгольских пустынь. В стан монгольского князя Де-вана приезжают разные люди – путешественники, официальные лица, над ставкой кружат японские аэропланы, в этот район направлена японская экспедиция.

В числе гостей – Ринчин-Дордже (или Эринчин-Дордже) Очиров, несколько дней проведший в столице с князем. Этот бурят, в свое время закончивший Санкт-Петербургский университет, был незаурядной личностью. В 1929 году во время военного конфликта на КВЖД он вывел из Барги группу соплеменников, откочевал с ними на юг и на новом месте виртуозно освободил их от высоких государственных налогов, сделав их данниками только Таши-ламы IX. В Маньчжурии и Внутренней Монголии его называли Амбан-нойон (*маньчж.* амба – великий) или Ринчин-нойон⁵². Еще зимой Рерихи договорились с руководителем бурятского хошуна и бизнесменом о покупке лошадей для нужд экспедиции. Согласно его распискам, ему было выдано 350 мексиканских долларов в счет причитающегося жалования шести всадникам, 1200 – за шесть лошадей, и еще 800 – займы с выплатой серебряными долларами в Монголии⁵³. Высокий общественный статус, однако, не помешал Очирову задержать поставку товара на два месяца. Прибывших с опозданием лошадей пришлось отправить обратно, так как они оказались негодными, а один из всадников болен. И о серьезных недоумениях Рериха – как мог так поступить очень известный человек – тоже свидетельствуют его дневниковые записи.

Перед собранием монгольских чиновников приехал выступить видный китайский политический деятель, пророк анархического социализма, «социалистический Конфуций», доктор Кианг Канг-ху. Видимо, эта поездка состоялась после его визита в Шаньси, где началась земельная реформа, о которой д-р Кианг восторженно отзывался как о практическом социализме. Китайский политик и русский художник ведут беседу о кооперативах, и вместе с князем Де-ваном – о будущем переустройстве Внутренней Монголии. Судя по записям Ю.Н. Рериха, отозвавшемуся о д-ре Кианге как о «старом знакомом»⁵⁴, Рерихи общались с ним еще в Пекине.

⁵¹ [Грамматчиков Н.В.] О Н.К. // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 2. Д. № 190. Л. 4.

⁵² См.: Цыбикдоржиев Доржи. Генерал-майор гоминьдана Ринчин-Доржи Очиров // ARD. 5 июня 2013 г. Электронный ресурс: <http://asiarussia.ru/articles/299/>.

⁵³ См.: Очиров Р Расписки от 13.12.1934, 26.01.1935, 26.01.1935 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 411. Л. 6, 8, 9.

⁵⁴ Рерих Ю.Н. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935) // Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Т. II. С. 182.

Приезжает и известный монгольский политический и религиозный деятель Тэло-тулку XI (V) Жамсранжав Башлуугийн. По словам Н.К. Рериха, «как бывший министр старого Богдо-гегена, он не только знает о России, но и знает мое положение. Во время беседы выяснилось много любопытного»⁵⁵. Один из вдохновителей национально-освободительного движения, стоявший у истоков монгольской революции, он в 1930 году вынужден был бежать из Монголии, где был осужден за связь с Панчен-ламой на 5 лет с отсрочкой приговора (другие фигуранты по этому делу, оставшиеся в социалистической стране, вскоре были расстреляны).

Поселившись во Внутренней Монголии, он не раз встречался с Панчен-ламой и князем Де-ваном, построившим специально для визитов Панчена дворец в своей новой столице.

Н.К. Рерих упоминает также известного англо-индийского политического деятеля и путешественника, востоковеда сэра Чарльза Белла, близко знакомого с Далай-ламой XIII и написавшего его биографию, автора англо-тибетского разговорника и грамматики разговорного тибетского языка. По свидетельствам Ю.Н. Рериха, Белл не раз навещал с супругой ставку князя⁵⁶, у мэтра востоковедения и молодого ученого наверняка было много точек пересечения научных интересов, но дневники обоих Рерихов умалчивают о подробностях бесед.

Биографический словарь, составленный для того, чтобы показать исторический контекст дневника Н.К. Рериха, насчитывает более 200 имен. В него входят российские и зарубежные политики, общественные и культурные деятели, художники, музыканты, журналисты, бизнесмены – в большинстве своем все они были значимы для своего времени, со многими из них, в том числе и с некоторыми венценосными монархами, министрами, послами и т. п., Рерих был знаком лично или состоял в переписке. И каждое из имен, упомянутых в дневнике, – одна из многочисленных нитей, ведущих к пониманию его широкой международной общественно-культурной деятельности, следуя которым можно составить отдельное историческое повествование. Это широчайший спектр связей во времени и пространстве, по которому можно восстановить грандиозную картину культурной деятельности Н.К. Рериха.

Отдельная тема в дневнике Маньчжурской экспедиции – Записные листы, которые Н.К. Рерих надиктовывал ежедневно и планировал скомпоновать их в отдельную книгу. По дневникам можно восстановить контекст написания и адресность многих листов. Они проходят красной нитью по фону каждодневных забот и размышлений о культурном строительстве по всему миру и неразрывно с ним связаны. На этой грани творчества Мастера следует остановиться более подробно.

⁵⁵ Рерих Н.К. [Дневник Маньчжурской экспедиции.] 18.06.1935.

⁵⁶ См.: Рерих Ю.Н. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935) // Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия. Т. II. С. 186.

«Записные листы»

...Обычно не обращают внимания на цементирование пространства. Скажут – к чему посылать почти одинаковые мысли? Но в них мы наполняем пространство. Мало иметь решение, нужно около него создать атмосферу, и такая пряжа требует долгого труда. Так люди должны понять, что их намерения должны быть окутаны предохранительной тканью. Многое может облегчиться, если направить к этому постоянную спокойную и утвердительную мысль.

Надземное, 374

Оппоненты не раз ставили Н.К. Рериху в вину то, что он, не будучи ботаником, возглавил ботаническую экспедицию. Далеко не все отчеты, направляемые в Департамент, удовлетворяли чиновников, для которых были принципиальны прежде всего финансовые вопросы, например то, что походные сапоги и прочее обмундирование не могут быть оплачены из выделяемых на экспедицию сумм. Все эти бумаги нашли свое место в архивах и там упокоились. А размышления Рериха о геоботанических проблемах, о природе и человеке в их метафизическом единстве остаются до сих пор актуальными и востребованными, поскольку в них заложен эволюционный мировоззренческий потенциал. Для Николая Константиновича это путешествие было новым этапом в его постоянных размышлениях о судьбах человечества и планеты.

Одним из итогов грандиозной Центрально-Азиатской экспедиции стала книга «Алтай-Гималаи» – экспедиционные наблюдения в контексте философской концепции культуры, разработанной Николаем Константиновичем, а также мощные сюжетные полотна и тысячи эскизов, сделанных на маршруте. Во время Маньчжурской экспедиции живописных работ было написано гораздо меньше. Это был период зрелых метаисторических размышлений Мастера, которые отражены в литературных очерках Рериха – тех самых *Записных листах или Листах дневника*, как называл их он сам. По свидетельствам очевидцев, Николай Константинович каждый день диктовал новое эссе, удивительное по своей глубине и простоте, часть из них, опубликованная в маньчжурских газетах, составила новую книгу Мастера «Священный Дозор» (1934).

Планируя в будущем собрать все очерки воедино, Н.К. Рерих пишет: «От издательства при той книге можно включить также следующее: “Листы дневника появлялись в различных газетах и журналах Америки, Европы, Индии и Дальнего Востока. Некоторые из них являются как бы развитием предыдущей мысли, но издательство сохраняет их под датой дня их написания, что тем более обрисовывает течение мысли автора”. При издании книги такое замечание тем более пригодится, что кому-то, может быть, покажется, почему продолжение развития той же мысли, входит в разные дни, но сами события, или известия прессы, или размышления невольно заставляли углублять некоторые положения»⁵⁷. То есть Записные листы Николая Константиновича, собранные в их целокупности, так же как и тексты Живой Этики, представляют собой энергетическую спираль, при каждом новом витке раскрывающую новые грани той или иной идеи. Эти очерки представляют собой «ту новую литературу, где ощущается дыхание будущей эволюционной эпохи, будущих новых средств выражения и будущей эстетики»⁵⁸. Они выходят далеко за рамки обыденного мышления, раздвигают горизонты и открывают путь к постижению Высшего. Собранные в их целостности спустя полвека после ухода Н.К. Рериха⁵⁹, они сверкают разными гранями познания, передавая всю полноту Мироздания.

⁵⁷ Рерих Н.К. [Дневник Маньчжурской экспедиции.] 15.01.1935.

⁵⁸ Шапошникова Л.В. Врата в будущее // Рерих Н.К. Листы дневника. Т. I. С. 32.

⁵⁹ См.: Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. М.: МЦР, 1999–2002.

«Такие понятия, как синтез, культура, красота и особенно искусство, Рерих считал основополагающими эволюционными вехами»⁶⁰, — пишет Л.В. Шапошникова. Николай Константинович «много писал о синтезе как одном из важнейших направлений современного эволюционного процесса. Он сумел воплотить этот синтез в своих литературных произведениях, где гармонично сочетаются Красота, Знание и Мысль»⁶¹, воплотить в жизнь идеи Живой Этики о дисциплине и творчестве мышления. Его Записные листы пример того, как из грубого субстрата повседневности вырастает цветок огненной мысли, впитывающий лучи дальних миров.

В статье «Да процветут пустыни», может быть, впервые для общественного сознания был поднят вопрос антропогенного происхождения пустынь и их мелиорации. Переведенный на английский язык, этот очерк произвел чрезвычайно сильное впечатление на президента Рузвельта⁶². В очерке «Сад будущего», написанном в Пекине, Рерих снова и снова возвращается к мысли о недопустимости небрежного отношения человека к родной планете:

«Конечно, легче не допустить первоначальное заболевание местности, нежели потом бороться с мертвенной стихией. <...> Конечно, не скроем от себя, что нечего только винить козлов и баранов, ибо сами двуногие жестоким и часто бессмысленным истреблением лесов действуют с еще большей вредоносностью. <...> Тем благороднее задача тех правителей, которые стараются предупредить это бедствие человечества и, насколько возможно, залечивать раны, причиненные когда-то чьим-то неведением. Конечно, окраинные барханы монгольской Гоби являются наилучшей областью для наблюдения над засухостойкими растениями. Те породы трав и прочей растительности, которые удержались, несмотря на соседство страшных песков Такла-Макана, конечно, представляют из себя достойных пионеров для зарождения растительности в оголенных местах. В этом случае *чисто ботаническая задача является и делом гуманитарным в полном его значении* (выделено мной. — О.Л.)»⁶³.

«Несомненно, что условия Монголии на границе степи и барханной пустыни могут давать множество поучительных примеров. Когда из Гоби, из далекого Такла-Макана приносятся вихрями клубы песка и пыли, иногда можно опасаться, что местная, вообще поздно появляющаяся растительность не выдержит; но любопытно наблюдать, как, несмотря на всякие затруднения, трава все же начинает пробиваться»⁶⁴. «Не так много разновидностей этих сухостойких трав и кустарников. Очевидно, в веках произошел отбор. В то время как в соседней Маньчжурии, где условия немногим сравнительно отличаются, имеется более восьмисот видов растений, тогда как в барханной Монголии, по-видимому, их не более трехсот»⁶⁵.

Водитель экспедиции Н.В. Грамматчиков вспоминал, как на его глазах рождалось очередное эссе. Источником вдохновения могла стать заглохшая машина, «потерявшая искру», — в очерке, надиктованном тем же вечером, Николай Константинович размышлял об искре духа, без которой не может совершаться ни одно важное дело.

Каждое событие становилось отправным моментом для нетривиального ассоциативного ряда и размышлений, имеющих космический размах, выводящих сознание за рамки обыденности. Спектр тем, затронутых в этих очерках, чрезвычайно широк и злободневен.

В них обсуждался и строительный потенциал Маньчжурии и Внутренней Монголии, и основные принципы концепции культуры как почитания Света и принципы приложения этих идей в жизни каждого дня, и ценность искусства, и, соответственно, значение Пакта Рериха в метаисторической и ближайшей исторической перспективе: «Сперва опознаем и сбережем

⁶⁰ Шапошникова Л.В. Врата в будущее // Рерих Н.К. Листы дневника. Т. I. С. 23.

⁶¹ Шапошникова Л.В. Врата в будущее // Рерих Н.К. Листы дневника. Т. I. С. 32.

⁶² См.: Walker S. The New Deal, The Guru, and Grass: The Roerich Expedition to Asia, 1934–1936 11 ОР МЦР. Ф. 1. Он. 4. Д. № 528. Л. 14.

⁶³ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. I. С. 280–281.

⁶⁴ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. I. С. 503.

⁶⁵ Там же.

Культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными»⁶⁶ (пророческие слова, если вспомнить, сколько сейчас зарабатывают на культурном туризме некоторые страны). Героями очерков становились и институт Фан Мемориал, и его программа исследований, и «длинное ухо Азии» – информационная проницаемость, казалось бы, безлюдного пространства пустынь, и наполненность этого пространства легендами и таинственными смыслами. Здесь же, в пустынях Азии, в лагере Тимур Хада был написан и один из самых сакральных Записных листов «Он» – о трепетном и торжественном ожидании и предчувствии прикосновения Высшего.

В этих очерках Николай Константинович размышляет также о первопричинах клеветы и злобы, находя ее прежде всего в невежестве, и показывает пути достойного отступления культуры в «катакомбы» под натиском невежества, пришедшего к власти. Духовное творчество, уйдя под давлением обстоятельств в подполье, должно стать еще насыщеннее и напряженнее, выравнивая чаши мировых весов от исторических перекосов. Как показывают письма Н.К. Рериха, очерк «Катакомбы» был написан именно с учетом ситуации в Харбине.

В изверившемся XX веке очерки не были отвлеченной литературой, они звали к подвигу, давали понимание значения красоты и героизма в жизни каждого дня, указывали путь к духовному совершенствованию. Записные листы отсылались в местные дружественные газеты, а также в США и Индию – для широкого опубликования по всему миру. Так происходило своеобразное напитывание мирового информационного поля энергией огненной мысли Мастера, то самое «цементирование пространства», о котором говорилось в философии Живой Этики. Публикации очерков становились импульсом, благодаря которому в разных странах возникали новые очаги культуры, в свою очередь как магнит притягивающие новых полезных сотрудников.

Очерки Николая Константиновича при всей своей космичности укоренены в русской культуре, им присущ особый интонационный строй с оттенками петербургской утонченной интеллигентности, впитанной с детства. Написанные вдали от Родины, они, тем не менее, возвращают читателя к историческим корням, лучшим традициям дореволюционной России, сейчас уже невосвратно потерянным, поскольку в прошлом веке ушли из жизни последние носители этой культуры.

⁶⁶ Там же. С. 138.

«Архипелаг Россия»

Русский язык, как никогда, сейчас распространен. Как никогда, переводятся русские писатели., и в музеях утверждаются русские отделы. Какое же в этом рассеяние? Совсем не рассеяние., а совсем другое, гораздо более благозвучное и многозначительное. Если нам доверяют народы, поручая блюсти ответственные места, то и мы укрепляемся в доброжелательстве к народам. Из рассеяния вырастает строение. Пусть оно будет прекрасным.

Н.К. Рерих

Одной из отличительных черт Маньчжурской экспедиции было то, что она пересекалась в крупных населенных пунктах – Харбине, Тяньцзине, Пекине – с особым культурным пространством того времени, пространством русской эмиграции, о котором Рерих писал – «в рассеянии сущие»... Многочисленные эмигранты ощущали себя как «Россию в изгнании». «... За то, что нас Родина выгнала, / Мы по свету ее разнесли», – эти строки поэта Ачаира как нельзя лучше характеризуют мироощущение наших соотечественников за рубежом. Россия в их сознании стала архипелагом, острова которого были разбросаны по всему миру.

Харбин был одним из крупнейших центров русской диаспоры, наряду с Белградом и Парижем. Но в отличие от европейских городов, где русские все же были лишь частью иноземного города, Харбин был русским практически полностью. Он и построен был русскими, по указу российского императора на маньчжурских болотах, в связи с началом строительства КВЖД. История его создания позволяла харбинцам сравнивать свой город с Санкт-Петербургом.

После революции город оказался оторванным от Родины и ее политических перипетий. Позиционируя себя как осколок старой России, один из самых больших островов ее архипелага, он хранил ее культуру и традиции. Но вскоре в Сибири окончательно установилась советская власть, в Китай хлынул поток эмигрантов. Размеренной жизни наступил конец, КВЖД перешла в совместное советско-китайское управление, в город приехали командированные Советами коммунисты и комсомольцы. Многим старым служащим пришлось оформлять советские паспорта, чтобы не потерять работу.

Это потрясение было не последним. С японской оккупацией сменилась власть и порядки. 19 сентября 1934 года завершились многомесечные переговоры о продаже КВЖД советской стороной правительству Маньчжоу-дго, советским гражданам было приказано вернуться на Родину, где их не ждало ничего хорошего...

Летом 1934 года, пока соглашение не было подписано, город еще находился на перепутье, и появление в нем Н.К. Рериха можно было «сравнить только с метеором, прочертившим черту на мрачном ночном небе...»⁶⁷. К нему потянулись толпы мятущихся соотечественников, он был востребован и среди бывших царских офицеров, и среди православных иерархов, и среди местного научного сообщества.

Самого Рериха среди всех эмигрантских организаций больше всего заинтересовал Русский общевоинский союз (РОВС), отделения которого были распространены по всему миру. В конце октября 1934 года Рерих выкупил и передал в ведение РОВС газету «Русское Слово», по поводу чего был созван чрезвычайный съезд этой организации, на котором звучали благодарственные слова в адрес дарителя. Руководителем РОВСа был внук императора Николая I Великий князь Николай Николаевич, в котором русская эмиграция видела законного претендента на российский престол после смерти Николая II и его семьи. Сам Николай Николаевич к этим

⁶⁷ Хейдок А. Радуга чудес. Рига, 1994. С. 329.

настроениям относился скептически. Вторым, и напротив, чрезвычайно рьяным претендентом был Великий князь Кирилл Владимирович, внук Александра II, двоюродный брат Николая II. В 1924 году он самопровозгласил себя императором Всероссийским. Политический водораздел русской эмиграции определялся отношением к этим двум фигурам. Люди и организации, находившиеся по разные стороны этого водораздела, не особенно стеснялись в средствах выражения своего несогласия с позицией противоположной стороны. Именно поэтому Рерих пишет в своем дневнике о «легитимистах-кирилловцах», внесших свой вклад в кампанию клеветы против него, – видимо, они не простили симпатий Николая Константиновича к РОВСу.

Помимо легитимистов, приверженцев идеи восстановления династии Романовых, одной из весьма популярных организаций того времени среди русской диаспоры была Всероссийская фашистская партия. В ее программе многие эмигранты видели адекватный ответ коммунизму и неизбежной советизации, начавшейся в Харбине с момента перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление. В 1930-е годы разрушительный потенциал фашизма еще не проявился в полной мере, и Н.К. Рерих в одной из своих статей цитирует слова Муссолини о культуре, полагая, что руководитель страны, сказавший это, должен и в государственной политике отдавать приоритет культуре. Но по мере развития исторических событий и после публичного высказывания Муссолини о нациях второго сорта эту ссылку на прекрасные слова дуче пришлось убрать.

В Харбине ключевой фигурой русского фашизма был К.В. Родзаевский, он же главный редактор газеты «Наш Путь». Будучи ранее вполне обеспеченной организацией, на тот момент она сильно нуждалась, так как финансирование из-за рубежа прекратилось. Харбинские фашисты с приходом к власти марионеточного правительства стали работать на хозяев, и в результате во многом изменили «высоким идеалам» мирового фашизма, но японцы не спешили раскошелиться. Позднее председатель ЦИК Всероссийской фашистской партии и бывший спонсор харбинской организации А.А. Вонсяцкий, проживавший в США, «категорически заявил, что его организация абсолютно порвала с газ[етой] “Наш Путь” и партией, которая руководит им. Причина та, что хотя вначале они были соединены вместе и выработали общую программу, но позже “Н[аш] П[уть]” начал резко уклоняться от выполнения этой программы, как-то: они всячески уклонялись от борьбы с вредителями, что было коренной линией, а кроме того, они начали антисемит[скую] линию, что против платформы Вонс[яцкого]»⁶⁸. Фашисты были в числе многих организаций, которые приходили к Н.К. Рериху просить денег, видя в нем заокеанского миллионера, в то время как не такая уж высокая зарплата от Департамента поступала членам экспедиции с перебоями. В просьбе было отказано. Так что с местными фашистами у Рерихов отношения изначально не сложились.

Эпицентром сотрудничества Рерихов с местной творческой элитой стал харбинский Христианский союз молодых людей (ХСМЛ), межконфессиональная всемирная организация с центром в США. С руководителем союза г-ном Хейгом Рерихи не встречались, но действовавшие на платформе ХСМЛ культурно-просветительские организации и школы им были очень интересны. Н.К. и Ю.Н. Рерихи неоднократно выступали в его залах, всегда охотно предоставляемых под представительные собрания. Здесь же работал возглавляемый поэтом Ачаиром (А.А. Грызовым) литературный кружок «Молодая Чураевка», на вечерах которого почетным гостем был Николай Константинович. Еще в 1932 году в окружном послании архиереев Русская Православная Церковь Заграницей определила ХСМЛ как организацию «сродни с масонством по духу и направлению», находящуюся «с ним в тесной связи и зависимости от него». Однако и после этого послания ХСМЛ и православная церковь долгое время существовали в Харбине в симбиозе, поскольку «Харбинский богословский институт, находившийся в юрисдикции Рус-

⁶⁸ Лихтман З.Г. Письмо Н.К. Рериху от 14.01.1935//Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

ской зарубежной церкви, постоянно пользовался финансовой поддержкой YMCA (ХСМЛ)»⁶⁹. Нападки со стороны церковных деятелей начались позднее, и Рерих объяснял это тем, что вообще все американское теперь подвергается гонениям в Маньчжоу-дго.

Многие культурно-просветительские организации Харбина избрали Н.К. Рериха своим почетным членом, в их числе общество «Икона», объявившее своей целью возрождение русской иконописи. Это было не случайно, ибо Николай Константинович был известен уже осуществленными проектами храмов и их росписей в России, его сюжетные полотна, посвященные православным святым, тоже были широко известны. Как человек, принадлежащий культуре дореволюционной России, Рерих не мог обойти вниманием харбинских православных иерархов, большинство которых в то время были еще и политическими деятелями. Наиболее близкие отношения и даже творческое сотрудничество на общественно-культурной ниве сложились с архиепископом Нестором, который в сентябре 1934 года стал почетным председателем Комитета Пакта Рериха в Харбине. Рерих поддержал образованное 18 июля 1934 года при курируемом владыкой Доме милосердия женское Свято-Сергиево содружество. Николаю Константиновичу пришлось по душе решение Нестора создать своеобразный музей-хранилище при Доме милосердия, он передал этому музею свои дары. «Высокопреосвященный Владыка, в прошлый раз Вы мне говорили о будущем хранилище при Доме милосердия, Вами создаваемом. Каждое Ваше благодатное начинание особенно звучит в сердце моем, – писал Нестору Н.К. Рерих. – Прошу Вас принять от меня три оригинала моего проекта для будущей церкви в Бариме, а также несколько воспроизведений с моих религиозных картин. Пусть это будет моим вкладом в Ваше новое хранилище»⁷⁰. Рерих горячо поддержал идею иерарха построить в Харбине Часовню-Памятник Венценосным Мученикам российским и убиенному королю Югославии Александру I Карагеоргиевичу, которую владыка весьма точно назвал «елеем русского покаяния и скорби». Эта идея пришла к архиепископу Нестору после того как 9 октября 1934 года террористами был убит король Александр, приехавший во Францию для заключения договора о союзе. Сделанные Рерихом эскизы деревянной часовни Св. Сергия Радонежского в Бариме и Часовни-Памятника были одобрены правящим архиепископом Мелетием.

Оба архиепископа в ноябре 1934 года не позволили молодому священнику Лукину сделать клеветнический доклад о безбожии и масонстве Н.К. Рериха. Но эти идеи получили развитие в харбинской прессе, и отношения с ранее дружественными православными иерархами стали более чем прохладными. Часовню-Памятник начали строить по проекту епархиального архитектора М.М. Осколкова, и Николай Константинович напишет: «...Архиепископ Нестор и прочие церковники опять показали себя с темной стороны»⁷¹.

Самой неоднозначной фигурой среди православных иерархов был Шанхайский епископ Виктор, очень резко выступивший против Шанхайского содружества Св. Сергия, основанного под духовным руководством Рериха. О его негативных отзывах неоднократно писали Николаю Константиновичу различные корреспонденты. При личных встречах с Рерихом в Пекине епископ был весьма любезен, но, как выяснилось впоследствии, многие нити харбинской клеветы тянулись именно от него.

Находясь в эпицентре русской диаспоры, Н.К. Рерих не отказывал в духовной беседе людям ищущим, и вскоре вокруг него образовался круг единомышленников, чье сознание оказалось созвучным философии Живой Этики. Николай Константинович посвящал в ее основы тех, в ком видел искреннюю заинтересованность. Среди них был и писатель Альфред Хейдок, который впоследствии вспоминал:

⁶⁹ Дубаев М. Харбинская тайна Рериха. М.: Сфера, 2001. С. 98.

⁷⁰ Рерих Н.К. Письмо Архиепископу Нестору от 10.09.1934 // Цит. по: Дубаев М. Харбинская тайна Рериха. С. 519.

⁷¹ Рерих Н.К. [Дневник Маньчжурской экспедиции.] 25.04.1935.

«Могут спросить – чем мы занимались на наших собраниях? Так как клевета преследовала Н.К. Рериха, то возможно, что под таким вопросом будет скрываться подтекст – “Какие заговоры вы там устраивали?”..

И я отвечу:

– Никаких.

В том-то и горькая ирония судьбы, что люди усматривают нечто предосудительное именно там, где устремляются к самым высшим идеалам. <...> Николай Константинович нам лекций не читал. В спокойной и неторопливой беседе просто и доходчиво говорил о наступающей Новой эре планеты, о новом человечестве, которое должно прийти на смену нынешнему, задыхающемуся в ярости хищнических захватов и, как слепое, идущему к взаимоистреблению»⁷².

Из этих людей образовалось прочное содружество, его члены и в дальнейшем поддерживали связь с Рерихами, а после 1945 года и репатриации, несмотря на суровый прием, который оказала им Родина, некоторым из них удалось принести в СССР и передать ищущим весть Живой Этики.

Во время своего пребывания в Харбине Н.К. Рерих неизменно участвовал в наиболее значимых мероприятиях русской эмиграции, в частности в ежегодном Дне непримиримости (7 ноября 1934 года), посвященном памяти тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за освобождение России от коммунизма.

Об отношении Рерихов к Советской России в 1930-е годы следует рассказать более подробно. Рерихи были патриотами своей страны и на чужбине продолжали трудиться во славу Родины. Но Советский Союз и Россия были для них понятиями неравнозначными. Позитивное отношение Рерихов к СССР, которое они высказывали в период своего визита в Москву в 1926 году, сменилось критическим в связи с изменениями внутри страны. Конструктивный потенциал молодой советской республики угасал по мере ее неуклонного движения к тоталитаризму. Учение коммунизма и новый социалистический строй, искаженный репрессивными механизмами Сталина, из оздоравливающей силы превращались в болезнь для страны. За границу просачивались сведения о «допросах с пристрастием» и лагерях. Фашизм и коммунизм оказывались на одной чаше мировых весов. В открытом письме в Совет Народных Комиссаров академик И.П. Павлов писал как раз в 1934 году: «Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До вашей революции фашизма не было. Все остальные правительства вовсе не желают у себя то, что было и что есть у нас, и, конечно, вовремя догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались вы, – террор и насилие»⁷³.

С одной стороны, Н.К. Рерих с большой симпатией относился к движению «оборонцев» («утвержденцев» и др.), которые во главу угла ставили территориальную целостность и неприкосновенность России, независимо от господствующего в ней политического строя. Будучи проездом в Париже по пути в США в 1934 году, он посетил одно из собраний утвержденных и обратился к ним с приветственной речью⁷⁴, посвятил им очерк. В одном из писем комитету в Париж Николай Константинович писал: «Взяв символом группы высокое понятие “Утверждение”, участники действительно несут его в жизнь со всею твердостью, решимостью и высокою просвещенностью, которые всегда будут основами истинных утверждений»⁷⁵.

С другой стороны, Николай Константинович предполагал, что немаловажную роль в создании Нового Мира сыграет Дальний Восток с его богатейшими культурными традициями. Это он публично высказал в интервью газете «Харбинское Время», которое было перепечатано

⁷² Хейдок А. Радуга чудес. С. 335.

⁷³ Цит. по: Есть всюду свет... Человек в тоталитарном обществе. М.: Возвращение, 2000. С. 6.

⁷⁴ См.: Беликов П., Князева В. Рерих. М., 1972. С. 217.

⁷⁵ Рерих Н.К. Письмо Комитету «Утверждения» от 27.08.1935 // Архив Музея Рериха в Нью-Йорке.

в нескольких газетах: «Сейчас еще довлеет Тьма, силы которой – коммунизм, марксизм, безбожничество и прочие пагубные злоучения, – хорошо организованы и ведут стремительную атаку на человечество. <...> Вспомните, что еще Серафим Саровский предрекал, что сто лет будут тяжким лихолетьем для России и лишь после них начнется обновление. Этот срок истек в декабре прошлого года. Значит, вот-вот наступит историческое время для России. А так как вопрос быть или не быть коммунизму является вопросом жизни и смерти для всех стран и наций, то в предстоящей борьбе за светлые идеалы выступит весь мир. Начало такому освободительному движению даст Азия, которая, как древняя колыбель духовной культуры, не может остаться равнодушной к попиранию величайших ценностей духа. В авангарде пойдет Ниппон с его великим народом, в духе которого горит неугасимый пламень светлого символизма, героического патриотизма, аристократической романтики и духовного подвига, о чем говорит вся его славная история. В этом движении большая роль предназначена и русской эмиграции»⁷⁶. Рерих, который недавно был в Токио «гостем правительства»⁷⁷, ставил превыше всего приоритет культуры и оценивал прежде всего многовековое культурное наследие и духовные традиции Японии. Страна восходящего солнца покажет свое истинное лицо немного позже, когда русские газеты, издаваемые на японские концессии, начнут клеветническую кампанию, и Николай Константинович, по словам его другини и соратницы Е.И. Рерих, уедет из Маньчжоу-дого «с большой болью в сердце, ибо он так верил в культуру и героический дух Ниппона»⁷⁸.

Через три месяца после публикации этого интервью, где вполне однозначно было высказано его отношение к СССР, харбинские газеты обвинят Мастера в связях с большевиками и с просоветски настроенным американским сенатором Бора, а также в сепаратистских планах относительно Сибири, на что сам Рерих в письме, которое он определил «не для печати», ответит: «...Планов о государстве в Сибири не имел, но мыслю, что свержение коммунизма и возрождение России лежит через Сибирь». И далее: «Другом сенатора Бора не состою и ни в какой совместной работе не участвовал (из всего кабинета США[А] Хенри Уоллес по настоянию г-на Рериха протестовал против признания СССР)»⁷⁹.

Признание СССР Соединенными Штатами Америки, одной из ведущих стран мировой политики, как бы легализовало все ужасы тоталитаризма с точки зрения мирового сообщества. По воспоминаниям Ф. Грант, действительно, «Уоллес со своей стороны выразил желание советоваться с профессором Рерихом в области, в которой он был не достаточно сведущ – собственно, в международных отношениях. В Кабинете Рузвельта обсуждался вопрос признания России, и Уоллес заинтересовался мнением профессора Рериха в этом и похожих международных вопросах»⁸⁰. И, прислушавшись к советам, американский политик открыто протестовал против признания СССР. Но, несмотря на публичные выступления Уоллеса на эту тему и его приватные беседы с Рузвельтом, президент США остался верен своему решению и установил дипломатические отношения с Советским Союзом. И произошло это 17 ноября 1933 года, в один день с открытием конвенции Пакта Рериха в Вашингтоне.

⁷⁶ «1936 год – год грядущих перемен в судьбах народов», говорит Н.К. Рерих // Рассвет. 11 августа 1934 г.

⁷⁷ Рерих Н.К. Письмо американским сотрудникам от 22.03.1936. ОР МЦР. Ф. 1. Он. 5–1. Д.№ 161.

⁷⁸ Рерих ЕМ. Письмо американским сотрудникам от 02.01.1935 // Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. В экземпляре письма, хранящемся в ОР МЦР, окончание фразы вычеркнуто и потому не опубликовано.

⁷⁹ Рерих Н.К. Письмо американским сотрудникам от 26.11.1934 // Архив Музея Рериха в Нью-Йорке.

⁸⁰ Frances R. Grant Papers // Special Collections and University Archives, Rutgers University Libraries. Box 14. Folder 74.

Пакт Рериха

Если возможно такое объединительное мировое соглашение, то ведь также возможно и проведение и других общечеловеческих принципов любви и строения. Никакой дом в раздоре не строится и никакая песня в больных судорогах не складывается. Но если мы будем знать, что лучшие люди героически и жертвенно согласились защитить священное, мудрое и прекрасное, то через такие врата согласия войдут и многие другие знаменательные шествия.

Каждое накопление в сокровищах Культуры будет истинно благом знаком нашего века. Это будет не блуждание, готовое к предательству. Это не будут случайные часы или дни Культуры, это будет вообще время, эра Культуры. В стремлении к этой эре соберем наши лучшие мысли, лучшие слова, лучшие жертвы и лучшее дружелюбие.

Н.К. Рерих

С Маньчжурской экспедицией неразрывно связано подписание Пакта Рериха 15 апреля 1935 года – международного договора в защиту культурных ценностей, предложенного Рерихом. Пакт был подписан в Вашингтоне, но этому предшествовала длительная организационная работа, которую напитывали мысли Николая Константиновича, направляемые им сначала из Индии, а затем из Маньчжурии и Китая.

В поддержку Пакта прошли две конференции в Брюгге (1931, 1932) и конвенция в США в 1933 году. Последняя прошла при деятельной поддержке Генри Уоллеса. Как дальновидный политик, глава Департамента сельского хозяйства распознал в этом документе перспективу для развития своей страны и расширения спектра ее влияния в мировом сообществе. В июле 1933 года он впервые говорил с президентом о Н.К. Рерихе как о Посланнике, открывающем новые возможности для Америки. Как свидетельствуют американские сотрудники в своих письмах, президент был взволнован, он давно слышал о русском художнике и мыслителе, был знаком с его творчеством⁸¹.

Второй разговор Уоллеса с Рузвельтом уже был посвящен Знамени Мира и Пакту Рериха. По замыслу Рериха, Знамя Мира должно было развеиваться над объектами культуры, поднимая их статус в мирное время и защищая во время войны.

Президент США «нашел идею превосходной и немедленно написал записку [госсекретарю] Холлу, называя это “очень значительным явлением”»⁸². Разговоров о Пакте Рериха с Рузвельтом было несколько. Помимо этого президент и председатель правления Музея Рериха Луис Хорш посетил мать президента Сару Делано, которая до этого бывала в Музее, в частности в числе гостей на польском вечере в мае 1933 года⁸³. Она тоже заинтересовалась идеей Пакта и пообещала написать сыну о нем⁸⁴.

16 ноября 1933 года состоялось официальное ознакомление президента США Франклина Рузвельта с Пактом Рериха. Президент принял делегацию в составе министра сельского хозяйства Генри Уоллеса, заместителя директора Пан-Американского Союза Эстебана Гиля Боргеса, президента Музея Рериха Луиса Хорша и почетного президента Археологического института США Ральфа В.Д. Магоффина. «Президент Рузвельт сердечно приветствовал делегацию и принял экземпляр Пакта вместе со списком американских и иностранных отзывов и

⁸¹ См.: Грант Ф. Письмо Е.И. и Н.К. Рериху от [05].07.1933 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5–1. Д. № 296.

⁸² Лихтман З.Г. Письмо Е.И. и Н.К. Рерихам от 11.10.1933 // ОР Д/ЦР. Ф. 1. Оп. 5–1. Д. № 569.

⁸³ См.: Хорш Л. Телеграмма Н.К. Рериху от 10.05.1933 // ОР Д/ЦР. Ф. 1. Оп. 5–1. Д. № 591.

⁸⁴ См.: Хорш Л. Телеграмма Н.К. Рериху от 05.11.1933 // Там же.

другими документальными доказательствами глубокого интереса к Пакту выдающихся представителей общественной и частной жизни нашей страны. Президент принял также Знамя Мира, выразив свою симпатию целям сохранения сокровищ человеческого гения – культурного наследия всего человечества. Президент, очевидно, уже ранее был полностью ознакомлен с Пактом Рериха и заверил, что он заинтересован в поддержке этого движения»⁸⁵.

Конвенция в Вашингтоне ставила своей задачей утвердить в мире значение Пакта Рериха и выработать резолюцию, предлагающую правительству США и правительствам других стран официально признать и подписать этот договор, обеспечивающий защиту культурных ценностей и учреждений культуры в военное и мирное время. Эта резолюция была единогласно принята в 1933 году представителями более 30 стран, приехавшими в Вашингтон. Помимо государств Пан-Американского Союза в этом международном съезде участвовали Чехословакия, Ирландия, Персия, Польша, Португалия, Испания, Швейцария, Югославия и Япония, а Бельгия, Италия, Нидерланды, Турция, Франция, Албания послали своих наблюдателей.

Конвенция имела широкий международный резонанс. Состоявшаяся спустя месяц в декабре 1933 года Конференция Пан-Американского Союза в Монтевидео «единогласно приняла резолюцию, рекомендуя всем американским правительствам принять знамя Рериха»⁸⁶. Комитеты Пакта были организованы по всему миру, в том числе и в Харбине. Здесь комитет был образован 5 октября 1934 года в следующем составе: секретарь – В.К. Рерих, председатель – востоковед и общественный деятель Н.Л. Гондатти, почетный председатель – архиепископ харбинский Нестор и другие.

Мысли Николая Константиновича, находящегося на маршруте Маньчжурской экспедиции, продолжали энергетически напитывать международное общественно-культурное движение. Он записывает в Пекине: «...Новое внимание Рузвельта и последние шаги Уоллеса и действия Гиль Боргеса и других южноамериканских друзей дали новую подвижку Пакту. Но в смысле Европы отсюда мы мало усматриваем, в чем произошли полезные движения»⁸⁷. Его беспокоила задержка выхода новой книги о Пакте, он торопил своих американских сотрудников: «Еще раз вижу, почему все это время я так беспокоился о своевременном выходе книги Пакта и об охране точного титула. После снимка с письма президента Рузвельта как будто казалось, что после его личного правильного упоминания все в порядке, но затем внутреннее чувство опять подсказывало, что что-то должно быть не упущено. Из письма Люиса вижу, что книга не могла выйти вовремя из-за отсутствия специальных сумм»⁸⁸.

15 апреля 1935 года Пакт Рериха был подписан в Белом доме в присутствии президента Рузвельта Соединенными Штатами и двадцать одной латиноамериканской страной. Этот документ и по сей день с точки зрения международного права является действующим международным договором, который предоставляет максимально высокий уровень защиты наиболее широкоохватному кругу объектов культуры.

Американские газеты дали серию восторженных публикаций. Но рейтеровская телеграмма об этом событии, разосланная по зарубежным информационным агентствам, была, к сожалению, составлена так, что в ней с трудом узнавался Пакт Рериха.

Идеи Пакта Н.К. Рерих распространял и среди официальных лиц Азии. По его указанию книга о Пакте была послана из Америки в императорский дворец в Токио. Николай Константинович лично вручил Знамя Мира руководителю автономной Внутренней Монголии Де-вану и императору Маньчжоу-дигу Пу И.

⁸⁵ Материалы Третьей конференции Пакта Рериха // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 3. Д. № 991.

⁸⁶ Грант Ф. Телеграмма Н.К. Рериху от 20.01.1934 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 5–1. Д. № 296.

⁸⁷ Рерих Н.К. [Дневник Маньчжурской экспедиции.] 16.12.1934.

⁸⁸ Рерих Н.К. [Дневник Маньчжурской экспедиции.] 12.01.1935.

Но и после подписания Пакта Рериха в харбинских газетах продолжались нападки на это важнейшее начинание, эволюционный смысл которого будет оценен в веках. Тем, кто не воспринимал многомерности символов в нашем плотном мире, в Знамени Мира мерещился масонский символ. Новое философско-этическое учение, принесенное Рерихами, рассматривалось как антитеза православию, тем более что православие в эмигрантской среде было уже не просто религией – оно играло роль своеобразного «заместителя» Родины для людей, навсегда оторванных от России. И эти нападки были лишь частью информационной войны против Рериха, продолжающейся и по сей день.

«Самоотвержение зла»

Ведь все не входящее в обычные рамки так тревожит маленькие умы. Только что искали в нас большевиков, а теперь слышу, стараются изобрести нечто новое. Если бы только они знали, как мы далеки от вмешательства в какие-либо их интересы! Но людям, привыкшим видеть везде врагов, трудно допустить, что могут быть интересы высшие, поверх всякой вражды и отвратительной подпольной интриги.

Е.И. Рерих

Международная общественно-культурная деятельность Н.К. Рериха была настолько яркой и масштабной, что вполне естественно вызывала интерес у органов госбезопасности любой страны, как только он оказывался на территории, входящей в сферу ее политических интересов. Так было в Индии, в Японии, в СССР.

Не оставалась в стороне и общественность. Обыденное сознание не способно вместить понимание, что человек, опередивший мыслью и сознанием свое время, обладающий промыслительным даром, может быть НАД существующими сиюминутными политическими течениями и группировками, может не принадлежать ни к одной из них. Тогда начинается встречный процесс – не зазывание в свой лагерь, а информационное «заталкивание» в стан противников, навешивание ярлыков, создание образа врага. Раз не «наш», то «их». Сквозь призму такой позиции деятельность Рериха казалась противоборствующим силам не культурной политикой, а политической интригой, а его контакты с государственными деятелями Советской России, США, Японии, Маньчжурии воспринимались как ангажированность. Экспедиции Рерихов, проходившие по взрывоопасным в тот период регионам Центральной Азии, расценивались как шпионаж, каждая из заинтересованных сторон предполагала наличие за спиной руководителя экспедиции своих непосредственных политических соперников или абстрактные вражеские подпольные силы.

Когда Рерих, как руководитель Маньчжурской экспедиции, оказался на территории марионеточного государства Маньчжоу-дого, им серьезно заинтересовалась японская разведка. В свое время английская разведка пыталась физически уничтожить Центрально-Азиатскую экспедицию Рериха, сначала организовав на нее бандитское нападение, затем задержав почти полгода на плато Чантанг. Это им не удалось, экспедиция была успешно завершена, и Рерихи в мировом научном сообществе были причислены к великим путешественникам. Японцы оказались умнее и вероломней, возможно, впервые в новейшей истории употребив для своих целей методы PR-технологий, широко применяемые в современном мире. Эти технологии оказались намного эффективнее, так как способствовали не только досрочному отзыванию экспедиции (которая уже получила разрешение от Департамента на продление работ до середины 1936 года), но и дезавуированию в мировом информационном пространстве ее руководителя и ее научных результатов.

Итак, некоторое время японцы лишь наблюдали за Рерихом⁸⁹, но в конце ноября 1934 года на него обрушился вал клеветы со страниц русских газет Харбина, находящихся под контролем японской цензуры. Был инициирован ряд публикаций о его причастности к советским спецслужбам, к масонству, писали даже о том, что он будто бы выдает себя за перевоплощение Сергея Радонежского. Эта кампания стала наиболее резонансной в судьбе Рериха. Судя по всему, здесь не обошлось и без советских спецслужб, в те времена довольно пристально наблюдавших за настроениями русских эмигрантов как на Западе, так и на Востоке и своевременно устраивавших провокации в эмигрантских кругах.

⁸⁹ См.: Макмиллан Х.К. Письмо Н.А. Райерсону от 20.07.1934 // ОР МЦР. Ф. 1. Оп. 4. Д. № 448.

Харбинские статьи 1934 года, направленные на умаление авторитета Рериха в русско-эмигрантском сообществе, базировались во многом на выкраденных и сфотографированных в 1923 и 1924 годах – десять лет тому назад (!), – письмах Н.К. Рериха его брату В.К. Рериху. В то время Рерихи разрабатывали планы концессий на Алтае, и письма были посвящены возможностям развития кооперативного строительства и будущему Сибири. Если бы эти письма выкрали журналисты, они бы сразу пустили их в печать, поскольку зарабатывают свой хлеб на сиюминутных сенсациях. Уже сам временной разрыв даты украденного письма и газетной шумихи свидетельствует, что в этом деле участвовали силы, которые вполне расчетливо приберегли эти материалы «на всякий случай» и дали им ход, когда Рерих вернулся в Центральную Азию и в ореоле славы оказался в опасной близости к границам Советского Союза.

В этой кампании клеветникам пригодился и портрет Н.К. Рериха, опубликованный в июле 1933 года в журнале ордена розенкрейцеров «Rosicrucians Digest» без его согласия. Вокруг портрета редакция журнала самовольно разместила масонские символы, а под портретом подпись: «Николай Рерих, легат великого белого братства АМОРК» – при том, что Рерих ни в каких братствах не состоял.

В 1930-е годы Н.К. Рерих и Музей в Нью-Йорке действительно поддерживали связь с американскими розенкрейцерами и их изданием. Николаю Константиновичу был послан и диплом, что было обычной практикой того времени: «...Дипломы и почетные звания посылаются великим людям – это не ново, и это не значит, что люди, получившие эти звания, вдруг делаются членами всех подобных обществ и организаций»⁹⁰. По просьбе руководителя АМОРК Спенсера Льюиса Рерих дал некоторые из своих статей для публикации в журнале «The Rosicrucians Digest»⁹¹ и отправил несколько тибетских артефактов для музея в Калифорнии. Помимо портрета было «подправлено» и сопроводительное письмо к посылке, в результате чего на страницах журнала обычный жест вежливости Николая Константиновича был умышленно преподнесен как выражение симпатии к АМОРК и даже как благословение Ордену от Учителей Востока⁹².

Журнал с искаженным портретом Н.К. Рериха и некая книга с нелепым описанием обряда посвящения розенкрейцеров были посланы в Харбин епископом Виктором «только для ознакомления»⁹³, а газетчики уцепились за такой подарок. Соответственно, в харбинских газетах Рерих тотчас был объявлен масоном, а Знамя Мира, символ Пакта Рериха, – масонским знаком и проч. Одним из наиболее плодовитых сочинителей подобных измышлений был писатель и политический деятель Василий Иванов, хронически страдавший масонофобией. Вся «доказательная база» обвинения в оккультизме и антихристианстве в харбинской прессе ограничилась обсуждением этих сомнительных источников. А о книгах Н.К. Рериха и его философских взглядах была сказана всего одна фраза: «...В том, что все книги Н.К. Рериха антихристианские, не может быть никакого сомнения! Для этого достаточно их внимательно прочесть»⁹⁴. В дневниках и письмах Е.И. Рерих автор этих измышлений обычно фигурирует как «Васька Иванов», что может создать впечатление какого-то «мальчика с улицы». На самом деле это был серьезный противник, обладающий немалым авторитетом в среде русской эмиграции. За его плечами – посты идеолога-пропагандиста при правительстве адмирала Колчака, министра внутренних дел дальневосточного правительства братьев Меркуловых (1921), председателя совета управления ведомствами приамурского временного правительства (1921). В

⁹⁰ Лихтман З.Г. Письмо Н.К. Рериху от 14.01.1935//Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

⁹¹ См. напр.: Roerich N. The new Banner of Peace 11 The Rosicrucian Digest. November 1933.

⁹² См.: Рерих Е.М. Письма. М.: МЦР, 2001. Т. III. С. 12–13.

⁹³ Рерих Н.К. [Дневник Маньчжурской экспедиции.] 12.01.1935.

⁹⁴ Борисов Л. Н.К. Рерих – автор антихристианских книг // Харбинское Время. № 315.21.11.1934.

Харбине он был одним из лидеров монархического движения и, вероятно, агентом советских спецслужб.

А вот юный священник и журналист Ю. Лукин на клеветнических публикациях фактически сделал себе имя. В числе статей, составивших организованную антирериховскую кампанию в Харбине, была его статья «Испытайте духов», где проводилась параллель между Н.К. Рерихом и соловьевским Антихристом (провозгласившим охрану культурного наследия Православия, но отказавшимся исповедовать Христа). В этой статье читаем: «Книги Н.К. Рериха проникнуты порою проповедью неприкровенного смешения всех религий... <...> Даже Пречистый Лик Спасителя мира в статье “Спас” вызывает лишь чувства художника у акад. Н.К. Рериха, но не благоговение христианина. В этой последней статье он призывает лишь “к охране и углублению качества иконописания”, столь дорогого православному сердцу. <...> И доколе в писаниях Н.К. Рериха, художественных и ярких, известных всему миру, мы не увидим исповедования Иисуса Христа и отказа от теософических намерений свести в одно все религии, до тех пор, говоря о его произведениях, мы не устанем предостерегать наших читателей...»⁹⁵ На полях газетной вырезки рукой Н.К. Рериха написано: «Уже Антихрист!»

Статья Лукина примечательна тем, что в ней впервые сделана попытка «распят» на кресте веры и идеологии высокое искусство Рериха, являющееся живописным выражением Живой Этики. Этот прием не раз применялся в то время совсем в другом лагере – коммунистические идеологи точно так же критиковали шедевры мирового искусства с точки зрения их несоответствия марксистско-ленинской идеологии. Этот прием будут широко использовать и православные миссионеры постсоветского времени.

Русско-американская газета «Новое Русское Слово» от 29 декабря 1934 года дает краткое резюме харбинских инсинуаций:

«“Харбинское Время” докопалось и до цели приезда Рериха в Харбин. Он пожаловал ни с чем иным, как “проводить в жизнь сатанинский план масонов ордена Розенкрейцера”. План этот преследует цели “создания на территории Сибири великой империи – масонского государства”.

Японская газета “имеет в руках доказательства”, что в реализации этого плана заинтересован американский капитал. Сформировано и правительство “масонского государства” в Сибири. Вершина этого аппарата (новая масонская ложа) именуется “Белуха”, по имени высшей точки Алтайского хребта. Самые видные члены “Белухи”, например писатель Гребенщиков, “еще находятся на территории Америки”. Новое государство, “Сибирская масонская империя”, должно быть необходимым дополнением к существующей ситуации в бывшем русском государстве”, то есть Советской России»⁹⁶.

Публикации в харбинских газетах только на первый взгляд кажутся бредом. При внимательном рассмотрении становится видна довольно профессионально организованная политическая акция. В этой игре разыграны именно те информационные карты, которые были наиболее действенными в среде русской эмиграции, причем на любой вкус – масонство, связь с США и Японией, связь с СССР (Центрально-Азиатская экспедиция проходила по территории СССР, в ургинском издании книги «Община» говорились высокие слова о Ленине). Масонство – как антитеза православию в глазах наших соотечественников за рубежом – особенно падало. В серии статей периодически цитировалась некая настольная книга розенкрейцеров, затем автор снова возвращался к имени Рериха, тем самым создавая эффект «слоеного пирога», когда информационные слои накладываются друг на друга и воспринимаются как единое целое, а имя Рериха кажется неотделимым от всего масонского контекста.

Чем же не угодил Рерих основным игрокам на политической арене Центральной Азии?

⁹⁵ Лукин Ю.Н. Испытайте духов // Русское слово. 23 сентября 1934 г.

⁹⁶ Лидин Н. Как Рерих разработал план «Захвата Сибири» // Новое Русское Слово. 29.12.1934.

До его появления в Маньчжурии русская диаспора на Востоке по причине своей разрозненности уже не представляла особого интереса ни для Японии, ни для СССР. «Хотя изгнанничество воспринимало себя и становилось понятным как движение в высшей степени политическое, ему не хватало реальной и эффективной организации. Ограничиваясь обсуждением идей, политических проектов, представительными съездами, называемыми примиренческими, оно не сумело или не смогло составить силу, способную оказать влияние на внутреннюю и внешнюю политику европейских стран и на их отношения с Советским Союзом»⁹⁷. В Харбине, правда, в 1930 году предпринималась попытка создать «Дальневосточное объединение эмиграции» под руководством генерала Д.Л. Хорвата. Но после провозглашения Маньчжоу-го в марте 1932 года жизнь русской диаспоры начали жестко регламентировать японские власти, а в 1933 году и сам генерал Хорват оказался в опале (основным оружием его политического уничтожения, кстати сказать, была газетная травля). И тут в 1934 году в Харбин приезжает Рерих – художник и общественный деятель мирового уровня с позитивными идеями и строительными планами. Идеи Рериха, его проекты создания кооперативов как прототипов нового общинного жития и хозяйствования могли сыграть роль точки бифуркации для разрозненной эмигрантской среды, обладающей громадным интеллектуальным и духовным потенциалом. Поэтому и была развязана мощная информационная война, и Харбин стал центральным узлом в довольно взаимосвязанной системе мифов о Рерихах, где одна теория оказывается прочно увязана с другой и может быть подана в том или ином контексте.

Н.К. Рерих обратился за разъяснениями по поводу клеветнической кампании в Министерство иностранных дел в Токио. От министерства пришел ответ: «Все происшедшее есть следствие полного невежества и непонимания сотрудников газет и враждующих групп русских эмигрантов в Харбине Вашей благородной миссии и работы... Имея такие донесения в руках, мы счастливы уверить Вас, что подобные инциденты не повторятся, и мы искренне надеемся, что Вы более не будете обеспокоены подобными происшествиями»⁹⁸. Надо иметь в виду, что на тот момент в Харбине действовала японская цензура, контролирующая печать. Если статьи увидели свет – значит, они были ею одобрены. После официального ответа, опубликованного в местных газетах, ситуация, однако, не изменилась. Несмотря на протесты самого Рериха и сотрудников культурных организаций в Париже и Нью-Йорке, клеветнические публикации продолжали появляться не только в русскоязычных газетах Харбина, но и в Тяньцзине и Пекине на протяжении всего 1935 года.

Когда газета «Наш Путь» вместе с «Харбинским Временем» начала публиковать эти статьи, руководитель русских фашистов А. Вонсяцкий в разговоре с Зинаидой Лихтман «определенно сказал, что вся кампания велась и теперь ведется лекторами»⁹⁹; они заставили переменить тактику «Наш[его] П[ути]», и это повело к тому, что он отнял тотчас же свою субсидию. Теперь эта газ[ета] субсидируется лектор[ами], которые и направили эту атаку.

Господа Родз[аевский] и компания] являются теперь наемными людьми и должны делать все, что им указано»¹⁰⁰. Не удивительно, что в 1935 году главный редактор фашистской газеты К.В. Родзаевский получил своеобразное повышение и был назначен руководителем информационного отдела Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) – организации, с помощью которой японские власти контролировали общественную жизнь русской диаспоры и, помимо всего прочего, готовили диверсантов для заброски на территорию СССР

⁹⁷ Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или мысли о величии империи. М.: Наталис, 2004. С. 27.

⁹⁸ Цит. по: Рерих Н.К. Листы дневника. Т. I. С. 635.

⁹⁹ Японией.

¹⁰⁰ Лихтман З.Г. Письмо Н.К. Рериху от 14.01.1935 // Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

Японская цензура остановила распространение книги Н.К. Рериха «Священный Дозор», составленной из статей, уже опубликованных в местных газетах и, соответственно, одобренных цензорами несколько месяцев назад. В то же самое время с одобрения цензуры вышла книга Василия Иванова «Православный мир и масонство» (Харбин, 1934), где развивается идея «жидомасонского заговора» и наряду с Рерихами к масонам причислены основные фигуры русского Золотого и Серебряного веков.

Н. К. Рерих предполагал, что кампания клеветы развивалась не только с полного согласия японских властей, но здесь не обошлось без влияния с севера: «...[Василий] Иванов связан с советскими кругами и потому старается оклеветать всех деятелей эмиграции, а в книге своей оклеветал всю Россию, начиная от императоров, Голенищева-Кутузова, Пушкина, всех ученых и пр.»¹⁰¹; «...Из достоверного источника иностранной полиции известно, что шанхайская младоросская газета (выступавшая против нас) издается на советские деньги»¹⁰².

Размышляя над создавшейся ситуацией, Н.К. Рерих пришел к следующему выводу: «... Сами же эти газеты подчеркивают, что русские эмиграционные группы признают меня своим духовным вождем. Иначе говоря, это значит, что кому-то политически необходимо добиться обратного. При этом мы видим три определенные группы:

I. Блок японских газет.

II. Фашисты, подражающие в человеконенавистничестве немецким.

III. Легитимисты, которым Кирилл раздает графские и разные придворные звания.

Вполне естественно, что две последние группировки (вообще немногочисленные) всегда будут нападать на все строительное. Немецкая свастика всегда будет далека от народных масс. <...> С другой стороны, [среди] так называемых легитимистов-кириловцев замешались люди с явно преступным прошлым. <...> А вот когда перед нами встает поругание международного Пакта со стороны яп[онских] газет, тогда следует обратить все внимание уже с точки зрения международного права. <...> Если мы предположим, что охранение культурных сокровищ неуместно большевикам, уже разрушившим столько памятников, то это будет вполне понятно. Но в таком случае мы должны бы были предположить наличие большевиков в составе яп[онских] газет, и это было бы совершенно необъяснимо»¹⁰³.

Добавим, что к 1930-м годам советская контрразведка уже была достаточно профессиональной, поскольку еще в 1920-е годы ее агенты внедрялись в наиболее значимые эмигрантские движения, в том числе в евразийские круги¹⁰⁴. Рерих, открыто выступивший в харбинской прессе с разоблачающими «коммунизм, марксизм, безбожничество» заявлениями, не мог не привлечь ее внимания. Вероятно, входить в состав японской газеты для советских агентов не было необходимости, достаточно было вовремя подкинуть нужным людям нужные сведения. Японским властям эта дезинформация тоже была на руку, поэтому цензура легко пропускала в печать материалы, направленные на подрыв авторитета Рериха.

23 июня 1935 года отзвуки харбинских измышлений были перепубликованы журналистом Джоном Пауэллом в газете «Чикаго Трибьюн». В его статье говорилось, что Маньчжурская экспедиция вызвала противодействие японских властей и монгольских князей, потому что Рерих якобы пригласил на службу русских казаков атамана Семенова, вооружив их американскими винтовками. В статье Пауэлла нашли место не только отзвуки харбинской клеветы, но и наветы из писем американского ботаника Макмиллана в Департамент сельского хозяйства США. В этих письмах выплеснулись внутренние проблемы экспедиции, которые готовились заранее американскими госчиновниками. Как уже говорилось, Уоллес не опреде-

¹⁰¹ Рерих Н.К. [Дневник Маньчжурской экспедиции.] 13.02.1935.

¹⁰² Там же. 05.03.1935.

¹⁰³ Рерих Н.К. [Дневник Маньчжурской экспедиции.] 06.12.1934.

¹⁰⁴ См.: Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или мысли о величии империи. С. 37.

лил достаточно четко служебные обязанности и субординацию всех членов экспедиции, и, воспользовавшись этим, начальник бюро растениеводства Департамента сельского хозяйства Н.А. Райерсон еще на подготовительном этапе поддержал сепаратистские настроения своего друга ботаника Макмиллана. В официальные инстанции в Токио и Маньчжурии летели письма об американских ботаниках, *сопровождаемых* Н.К. Рерихом и Ю.Н. Рерихом¹⁰⁵. В Харбине американцы издали наблюдали за Рерихами, их чрезвычайно раздражали общественная деятельность и публичные выступления Николая Константиновича. В Вашингтон, в Департамент сельского хозяйства Райерсону поступали донесения, отзвуки которых потом обнаружатся в американской прессе, где великого русского художника, мыслителя, ученого обвиняли в про- японских настроениях, в связях с белоказаками атамана Семенова и т. д. Осведомленность журналистов об измышлениях Макмиллана Рерих объяснял перлюстрацией всей корреспонденции в Харбине: «Не сомневаюсь в том, что пересылка пресловутой переписки негодяев сыграла определенную роль в этой истории»¹⁰⁶.

При том, что в статье Джона Пауэлла не было ни слова правды, она, судя по всему, имела международный резонанс, поскольку через два месяца военный атташе США в СССР майор Филипп Файмонвилл отправил письмо главе военного департамента США о том, что он не может подтвердить или опровергнуть версию советского военного атташе относительно экспедиции Рериха. Согласно этой версии, Юрий Рерих – бывший царский офицер, и в штат экспедиции входят бандиты из шайки атамана Семенова. «Этот вооруженный отряд держит путь к Советскому Союзу, якобы как научная экспедиция, но в действительности как отряд, сформированный из белых элементов и недовольных монголов»¹⁰⁷.

Между ставкой экспедиции и границами СССР пролегли обширные пустыни Внешней Монголии – более тысячи километров. И Уоллес был прекрасно осведомлен об этом, равно как и о том, что в штате экспедиции нет семеновцев. Тем не менее, это письмо, пересланное ему из Госдепартамента, вероятно, стало «последней каплей» для Уоллеса, который к лету 1935 года уже перестал считать Н.К. Рериха своим духовным учителем и принял решение не противодействовать клевете.

Отзвуки запроса американского военного атташе в Москве прослеживались в переписке Департамента почти весь 1935 год. В частности 25 сентября практически сразу после отъезда Рерихов из Китая Департамент сельского хозяйства информировал руководство службы американской военной разведки G-2: «Эта экспедиция была послана в Центральную Азию исключительно для сбора засухоустойчивых трав. Однако мы получали многочисленные сведения о том, что они вовлечены в другую деятельность. Поэтому начиная с 3 июля (через 10 дней после публикации статьи Дж. Пауэлла. – *О.Л.*) мы предпринимали шаги, чтобы переместить их так быстро, как это практически возможно, из района потенциальных проблем, и в то же время дать им возможность собрать как можно больше различных типов засухоустойчивых растений, в которых мы заинтересованы. Экспедиция определенно завершена 21 сентября, и вы можете заверить майора Файмонвилла в посольстве, что страхи упомянутых в его письме людей сейчас совершенно беспочвенны»¹⁰⁸.

Рерих же по поводу обвинения в политической нелояльности писал Уоллесу следующее: «Газетные инсинуации от июня месяца по существу безосновательны и, должно быть, исходят

¹⁰⁵ См.: Райерсон Н.А. Письмо генеральному консулу США в Токио от 05.05.1934 // ОР МЦР. Ф. 1. Он. 4. Д. № 450.

¹⁰⁶ Рерих Н.К. Письмо американским сотрудникам от 15.11.1934 // Цит. по: Дубаев М. Харбинская тайна Рериха. С. 538.

¹⁰⁷ Цит. по: Файмонвилл Ф. Письмо военному министру от 20.08.1935 // NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 2.

¹⁰⁸ Брессман Э.Н. Письмо полковнику К. Бернетту // NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 2.

из неосведомленного и недоброжелательного источника, сильно желающего затруднить и расстроить полевые работы экспедиции в разгар сезона сбора семян. Я настоятельно опровергаю наличие какой-либо политической деятельности с моей стороны или со стороны других членов экспедиции. В целом эта “надуманная история” нелепа и показывает абсолютное незнание фактов и местных условий. Мы заняты расследованием этого дела, и, похоже, его источник находится в Шанхае. Г-н Стил, аккредитованный пресс-корреспондент, посещавший Калган в начале июня, заявил в американской миссионерской службе, что мнения об экспедиции разделились и что много недоброжелательных слухов было пущено двумя отозванными ботаниками, которые, по его словам, “оставили после себя вредоносный след”. Также мне известно, что многие из работников консульства были настроены весьма предвзято и потому были склонны верить историям ботаников. Примечательно также, что местная пресса воздерживалась от участия в этом злословии и что большинство статей появилось в американских газетах (“Пекин-Тяньцзин Таймс” перепечатала некоторые истории, но предусмотрительно опустила клеветнические пассажи)»¹⁰⁹.

Харбинские публикации, кстати сказать, американское посольство присылало в Департамент сельского хозяйства США, где их переводили на английский язык. На этот счет в феврале 1936 года госсекретарь США К. Халл послал специальную телеграмму в посольство США в Пекине – чтобы из Пекина, Тяньцзина, Дайрана и Харбина были направлены все статьи, касающиеся экспедиции и лично Рериха, начиная с 1934 года¹¹⁰.

¹⁰⁹ Рерих Н.К. Письмо в Департамент сельского хозяйства США от 28.08.1935 // ОР МЦР. Ф. 1. Он. 4. Д. № 483.

¹¹⁰ См.: Халл К. Телеграмма в посольство США в Пекине от 05.02.1936 / NARA in Washington, DC. Records Relating to the Roerich Expedition, compiled 1934–1937. ARC Identifier 1616665 / MLR Number PI66 18. Series from Record Group 54: Records of the Bureau of Plant Industry, Soils, and Agricultural Engineering, 1853–1977. Box 2. File «Correspondence 16.03.1934-15.08.1935».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.